

100 72

С. АШЕВСКИЙ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ
И
ВОЙНА.

2185
11

МОСКВА, 1915 г.

Въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича (Спб., В. О.,
5 линія, № 28) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ мага-
зинахъ продается книга

С. Ашевскаго

„Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ“.

Спб. 1911. Стр. VIII+328. Цѣна 1 р. 25 к.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Введение.—Глава I. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ журналистовъ,
критиковъ и публицистовъ. Воейковъ и Сенковскій.—Булгаринъ и
Гречъ.—Полевой.—Шевыревъ и Погодинъ.—Славянофилы (Аксаковъ,
Кирѣевскій, Хомяковъ, Самаринъ, Кошелевъ)—Плетневъ и Гротъ.—Кн.
Вяземскій.—Надеждинъ и Краевскій.—Вал. Майковъ и Дружининъ.—
Ап. Григорьевъ

Глава II. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ художниковъ слова. Писатели
старшаго поколѣнія.—Пушкинъ, кн. Одоевскій и Лажечниковъ.—Писа-
тели современнаго Бѣлинскому поколѣнія (Лермонтовъ, Гончаровъ и
др.).—Гоголь—Кольцовъ.—Бѣлинскій въ современной ему „изящной
литературѣ“.—Писатели младшаго поколѣнія (Полонскій, Плещеевъ, Гри-
горовичъ, Салтыковъ, Писемскій, Ап. Майковъ и др.).—Достоевскій.

Глава III. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ друзей. Материальная и интел-
лектуальная помощь друзей.—Бакунинъ и Катковъ.—Станкевичъ и Бот-
кинъ.—Грановскій—Герценъ.—Кавелинъ.—Панаевъ.—Анненковъ. Не-
красовъ.—Тургеневъ.

Глава IV. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ читателей. Приложение. „Бѣ-
линскій“ (поэма Некрасова). Указатель личныхъ именъ.

КГВ $\frac{3}{72}$

С. АШЕВСКИЙ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ
И
ВОЙНА.

Цена 60 коп.

=====

2185
——
11

МОСКВА, 1915 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>стр.</i>
Введение	3
I. Классики XVIII вѣка	6
II. Карамзинъ, Радищевъ, Новиковъ	14
III. Жуковский	22
IV. Батюшковъ, Рылѣевъ	30
V. Кн. Вяземскій	36
VI. Пушкинъ	44
VII. Лермонтовъ, Полежаевъ	53
VIII. Боратынскій, Хомяковъ, Тютчевъ	61
IX. Лирики второй половины XIX в.	72
X. Марлинскій, Гоголь	85
XI. Тургеневъ	91
XII. Достоевскій	98
XIII. Левъ Толстой	105
XIV. Гаршинъ	118
Заключеніе	123

Изъ отзывовъ столичной печати.

„Ашевскіи... написалъ книгу, которую долженъ прочитать всякій почитатель Бѣлинскаго и которая долго еще будетъ необходимымъ пособіемъ въ рукахъ изслѣдователей русской литературы и культуры прошлаго вѣка“. („Русское Богатство“ 1911 г., № 5).

„Ашевскіи написалъ интересную книгу... Получилось нѣчто весьма поучительное“. (Г. Плехановъ въ „Современномъ Мирѣ“ 1911 г., № 5).

„Названный трудъ Ашевскаго открываетъ рядовымъ публицистамъ и журналистамъ, а также и учащимся, обширное поле для самостоятельныхъ изслѣдовани, бывшихъ до сихъ поръ доступными лишь немногимъ специалистамъ, имѣвшимъ возможность работать въ архивахъ и богатыхъ библиотекахъ. Въ этомъ смыслѣ трудъ Ашевскаго составляетъ цѣнный научный вкладъ въ исторію русской литературы и общественности“ („Новый Журналъ для Всѣхъ“ 1911 г., № 32, июнь).

„Авторъ пересмотрѣлъ громадную литературу о Бѣлинскомъ и его современникахъ и тщательно выбралъ изъ нея все, что говоритъ объ отношеніяхъ ихъ къ великому критику, личнымъ и частью литературнымъ... Книга Г. Ашевскаго заслуживаетъ полной признательности: мы не замѣтили въ ней существенныхъ пропусковъ, и каждый изучающій Бѣлинскаго не разъ обратится къ ней за справками“... (Ч. В—скій въ „Вѣстникъ Европы“ 1911 г., № 8).

„Каждый занимающійся эпохой Бѣлинскаго, безъ сомнѣнія, скажетъ г. Ашевскому искреннее спасибо“ (П. Сакулинъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1911 г., № 239).

„Въ намѣченныхъ предѣлахъ трудъ г. Ашевскаго является весьма цѣннымъ: полнота обзора и точность ссылокъ—его несомнѣнная достоинства. Съ любовью и обстоятельностью истиннаго библиографа авторъ собралъ и крупные, и мелкіе факты“ (Онъ же въ „Вѣстникъ Воспитанія“ 1911 г., № 8).

„Книга можетъ служить очень полезнымъ пособіемъ и справочникомъ для изученія литературныхъ вѣяній и настроеній эпохи великаго критика“. („Современное Слово“ 1911 г., № 1170).

„Читается она съ большимъ интересомъ. Съ внѣшней стороны издана хорошо“. („Нашъ журналъ“ 1911 г., № 7).

„Книга г. Ашевскаго имѣетъ двойной интересъ: и биографическій и историко-литературный... Тщательно собранные обширные материалы позволяютъ г. Ашевскому рассказать много любопытнаго, рисующаго подчасъ въ новомъ свѣтѣ или самого Бѣлинскаго, или его современниковъ“ (Н. Пиксановъ въ „Русской мысли“ 1913 г., № 3).

БИБЛИОТЕКА
Государ. историч. архива
5 26 313 ✓
" " " 1934.

М

МОСКВА,
Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковскій п.
1915.

ВВЕДЕНИЕ.

На протяжении цѣлыхъ тысячелѣтій величайшіе умы человѣчества трудились надъ разрѣшеніемъ вопросовъ о войнѣ и мирѣ, но до сихъ поръ эти вопросы остаются неразрѣшенными окончательно. Даже на такой, казалось бы, вполне ясный и не допускающій никакихъ сомнѣній вопросъ: зло или благо представляетъ собою война?—мы не имѣемъ опредѣленнаго отвѣта. Для однихъ война—величайшее зло, какое только можно вообразить; это—насиліе, торжество грубой силы надъ правомъ; это—безуміе, разбой, явленіе противное чело-вѣческой природѣ и вызывающее такія страшныя послѣдствія, какъ болѣзни, эпидеміи, голодъ, грабежъ, насилія, разореніе страны, одичаніе понятій и чувствъ, попраніе всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Однимъ словомъ, война—„страшнѣйшее изъ бѣдствій и величайшее изъ преступленій“, по выраженію Кондорсе. Даже самая побѣдоносная война—страшный бичъ не только для побѣжденнаго, но и для побѣдившаго государства и народа.

Для другихъ война—явленіе вполне естественное, истекающее изъ природы чело-вѣка и изъ закона борьбы за существованіе, источникъ всего великаго, основной элементъ міроваго порядка, условіе всего существующаго, высшее откровеніе идеала и права, высшее про-

явленіе правосудія, санкція всякаго права, школа возрожденія человѣческихъ добродѣтелей, могучій двигатель духовнаго и матеріальнаго прогресса, однимъ словомъ, „божественное учрежденіе, одинъ изъ священнѣйшихъ законовъ міра,“ по выраженію покойнаго Мольтке. Даже неудачная война полезна, потому что служитъ могучимъ толчкомъ къ нравственному возрожденію побѣжденнаго народа. И въ числѣ защитниковъ и сторонниковъ войны мы находимъ не только полководцевъ и политиковъ, для которыхъ война является профессіей, источникомъ славы и средствомъ для достиженія государственныхъ цѣлей, но находимъ также мирныхъ ученыхъ, философовъ и поэтовъ.

Само собой разумѣется, что защитники и поклонники войны, чтобы не впасть въ противорѣчіе со своими убѣжденіями, являются врагами мира, по крайней мѣрѣ, продолжительнаго мира. Въ то время, какъ для однихъ миръ—естественное состояніе человѣка, возвышающее его надъ животными, главное условіе и конечная цѣль духовнаго и матеріальнаго прогресса; для другихъ миръ— „мечта и мечта не прекрасная“, потому что онъ изнѣживаетъ народы, погружаетъ ихъ въ нравственную „гниль и плѣсень“, однимъ словомъ, вызываетъ болѣе гибельныя послѣдствія, чѣмъ самая худшая изъ войнъ.

Въ зависимости отъ того или иного отношенія къ войнѣ и миру находится и неодинаковое разрѣшеніе такихъ вопросовъ, какъ согласіе или противорѣчіе войны съ христіанскимъ ученіемъ, положительное или отрицательное отношеніе къ идеѣ вѣчнаго и всеобщаго мира, къ разоруженію, къ разрѣшенію международныхъ споровъ третейскимъ судомъ и т. п.

Но если тысячелѣтній споръ милитаристовъ и паси-

фистовъ далеко еще не законченъ, то въ высшей степени важно знать, на чью сторону склоняются отдѣльные народы въ лицѣ своихъ духовныхъ вождей. Въ частности интересно и важно знать, какъ относились къ войнѣ и миру русскіе писатели, эти лучшіе и благороднѣйшіе представители великаго народа и выразители его міровоззрѣнія, и въ какомъ направленіи русская художественная литература воспитывала, воспитываетъ и будетъ воспитывать русское и даже иностранное юношество.

Вопросы эти, интересные и сами по себѣ и во всякое время, приобрѣтаютъ особенную не только теоретическую, но и практическую важность въ наши дни, когда все болѣе и болѣе выясняется необходимость и неизбѣжность разгрома германскаго милитаризма, и когда уже начинаютъ высказывать тревожное опасеніе: не займетъ ли побѣдоносная Россія мѣсто Германіи, и не явится ли русскій „бронированный кулакъ“ еще болѣе опаснымъ для европейской культуры, чѣмъ прусскій?

На слѣдующихъ страницахъ въ краткомъ обзорѣ будетъ показано отношеніе къ войнѣ и миру главнѣйшихъ представителей новой русской литературы, начиная съ Кантемира, при чемъ матеріаломъ будутъ служить не только художественныя произведенія, но также письма, воспоминанія, біографіи и другіе источники.

I. Классики XVIII в.

Идеаломъ Кантемира, носившаго въ ранней молодости военный мундиръ, какъ извѣстно, была тихая, идиллическая жизнь, „межь мертвыми греки и латины“, т.-е. посвященная литературнымъ трудамъ, но въ то же время онъ признавалъ важное значеніе „трудовъ военныхъ“ и считалъ законными не только оборонительныя, но и завоевательныя войны, если расширеніе границъ было необходимо для безопасности государства. Въ противоположность большинству русскихъ писателей XVIII вѣка, онъ съ уваженіемъ относился къ Александру Македонскому, но война ради войны возбуждала его отвращеніе, а въ первоначальной редакціи его пятой сатиры можно видѣть даже протестъ противъ войны вообще. Кантемиръ съ горечью заявляетъ тамъ, что человѣкъ злѣе всякаго звѣря, и ставитъ такой вопросъ: кто слыхаль, чтобы львы, тигры, медвѣди и крокодилы стали, „разбився на части, истреблять сами свой родъ для прибавки власти?“

Характеренъ для Кантемира и его протестъ противъ тогдашняго жестокаго способа веденія войны,—протестъ, къ стыду германской культуры, не устарѣвшій и для нашего времени. „Война — говоритъ онъ въ одномъ изъ примѣчаній ко второй сатирѣ — производится противъ вооруженнаго непріятеля, потому всякое озлобленіе безоружнаго невиннаго народа, каковы суть въ селахъ крестьяне, мѣщане въ городахъ, не согласуется

правамъ военнымъ и челоуѣколюбію противно. Многие воеводы такой народъ утѣсняють, грабятъ, мучать, чтобъ ихъ бѣдными пожитками обогатиться. Тѣ воеводы о благе отечества своего не пекутся; ибо извѣстно, что охраненіе народовъ ихъ сердца всего легче къ побѣдителю склоняетъ. Скорѣе завоюетъ землю тотъ, кто съ жителями ласково поступаетъ, чѣмъ тотъ, кто рубить и жжетъ безъ разбору и безъ милости: суровость не обыкла производить вѣрныхъ подданныхъ“.

Литературная дѣятельность Ломоносова, если не считать переводной оды Фенелона, началась похвальной одой на побѣду русскаго оружія надъ турками и татарами. Позже онъ писалъ оды по случаю русскихъ побѣд надъ шведами и пруссаками, писалъ даже хвалебные стихи въ честь новой артиллеріи, изобрѣтенной гр. Петромъ Шуваловымъ. Въ одахъ Ломоносова, а также въ его трагедіи „Тамира и Селимъ“ и въ неоконченной поэмѣ „Петръ Великій“ мы находимъ первыя по времени, въ новой русской поэзіи, батальныя картины, послужившія образцами для послѣдующихъ русскихъ поэтовъ. И въ стихахъ и въ прозѣ Ломоносовъ восхвалялъ Петра Великаго, какъ основателя регулярнаго войска и флота и какъ побѣдителя шведовъ. Только благодаря войнѣ Петръ, по мнѣнію Ломоносова, „науки намъ открылъ“, только посредствомъ войны онъ просвѣтилъ Россію.

Въ концѣ своей поэмы Ломоносовъ даже заявлялъ о неизбѣжности войны и военныхъ вооруженій:

Не можетъ свѣтъ стоять безъ сильныхъ оруженій...
Народамъ первенство даетъ вездѣ война....
Рокъ кровью присудилъ лицо земли багровить;
Монархамъ надлежитъ оружіе готовить.

„Необходимая судьба—говорит Ломоносовъ и въ одѣ 1761 года—во всѣхъ народахъ положила, дабы военная труба унылыхъ къ бодрости будила“ и не позволяла людямъ уподобляться гнѣющей стоячей водѣ, въ которой заводится разный гадъ. Такимъ образомъ Ломоносовъ предвосхитилъ и аргументъ и образъ Байрона, по заявленію котораго одна война спасаетъ міръ отъ плѣсени и гнили.

Но, признавая неизбѣжность войнъ и воспѣвая побѣды русскаго оружія, Ломоносовъ въ своихъ батальныхъ картинахъ употреблялъ самыя мрачныя краски для изображенія военныхъ ужасовъ и въ большинствѣ своихъ произведеній не скрывалъ, что его идеаломъ является „царей и царствъ земныхъ отрада, блаженство сель, градовъ ограда, возлюбленная тишина“, какъ необходимое условіе для духовнаго и матеріальнаго процвѣтанія народовъ. Даже его побѣдныя оды заканчиваются или идиллическими картинами мирнаго существованія, или молитвенными обращеніями къ „Богу мира“, чтобы онъ „запечаталъ военныя двери“. Не даромъ Ломоносовъ такъ усердно прославлялъ императрицу Елизавету за ея миролюбіе. Не даромъ также онъ перевелъ оду Ж. Б. Руссо „На счастье“, гдѣ военный герой называется „счастливымъ злодѣемъ“, а истиннымъ героемъ признается царь, который „правдой и покоемъ... народъ содержитъ свой“.

Если войны неизбѣжны и даже иногда полезны, но въ то же время такъ ужасны, то пусть, по крайней мѣрѣ, онѣ происходятъ какъ можно рѣже. Такова основная мысль Ломоносова, заставившая его заботиться „о сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира“. Такъ называется не написанная или не дошед-

шая до насъ послѣдняя глава его „Разсужденія о размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа“.

Оды Сумарокова, умершаго въ чинѣ бригадира, несравненно воинственнѣе ломоносовскихъ одъ: въ нихъ гораздо чаще „мечъ россійскій блещеть“. Сумароковъ обращался къ Петру III съ призывомъ быть не только Аполлономъ, но и Марсомъ, любить не только Парнассъ, но и оружіе; онъ выражалъ страшное недовольство „трепроклятымъ миромъ“ съ Фридрихомъ II; онъ мечталъ о завоеваніи Азіи и даже пугалъ ее „россійскимъ Тамерланомъ“.

Но тотъ же самый Сумароковъ въ своей первой трагедіи устами Хорева изображалъ ужасы войны, протестовалъ противъ того, чтобы убійство и грабежъ считать геройствомъ, и заявлялъ, что „мечъ дается лишь только къ оборонѣ“. Вслѣдъ за Ломоносовымъ и Сумароковъ прославлялъ Елизавету Петровну за миролюбіе въ одѣ 1755 года. Александра Македонскаго онъ ставилъ на одну доску съ Геростратомъ, такъ какъ одинъ разорилъ вселенную, а другой сжегъ храмъ — изъ тщеславія.

Наиболѣе опредѣленнымъ образомъ отношеніе Сумарокова къ войнѣ выразилось въ его „Словѣ на новый 1769 годъ“. „Оружіе—говорится тамъ — потребно только къ оборонѣ, а побѣды къ устрашенію враговъ; а къ истинному и существенному блаженству потребно спокойство“.

Державинъ, служившій на военной службѣ болѣе десяти лѣтъ, принимавшій участіе въ усмиреніи Пугачевского бунта и пережившій всѣ войны императрицы Екатерины II и борьбу съ Наполеономъ при Александрѣ I, оставилъ намъ цѣлыя десятки одъ, прославляющихъ

побѣды русскаго оружія и подвиги „екатерининскихъ орловъ“ и героевъ 1812 года. Въ этихъ одахъ мы находимъ цѣлый рядъ батальныхъ картинъ, залитыхъ кровью, и самое неумѣренное восхваленіе русской силы и русской храбрости. Россовъ въ свѣтѣ нѣтъ храбрѣй, россовъ въ свѣтѣ нѣтъ сильнѣй—это обычный рефренъ державинскихъ одъ.

Безпримѣрно русско царство,
И младенецъ въ немъ герой!—

говорится, напримѣръ, въ одѣ на взятіе Варшавы. Храбрый россъ у Державина всему предпочитаетъ „за отечество лить кровь“ и проливаетъ ее „весело“, а потому „россійской силѣ нѣтъ преградъ“. И сила эта не только должна сокрушить магометанство, но могла бы завоевать и весь міръ: „О россъ! шагни—и вся твоя вселенна“.

Но восторги передъ русскими побѣдами и русской военной мощью не мѣшали Державину при всякомъ удобномъ случаѣ протестовать противъ войны и прославлять миръ. „Военная слава, по его словамъ,—звѣрская отрава“; „войною быть можетъ громкимъ и злодѣй“; „царство не войной цвѣтетъ“; Петръ Великій славенъ прежде всего тѣмъ, что „науки въ полночь водворилъ и въ насъ благіе нравы влилъ“; во всякомъ случаѣ, военная слава ниже душевныхъ добродѣтелей.

.....Какъ свѣтлый метеоръ,
Такъ блескъ триумфовъ протекаетъ...
А добродѣтели святыя,
Какъ въ небѣ звѣзды, вѣкъ горять.

Это, какъ извѣстно, излюбленная мысль Державина, варьируемая имъ во многихъ стихотвореніяхъ.

По мнѣнію Державина, нѣтъ ничего хуже и страшнѣе войны, нѣтъ ничего лучше и пріятнѣе мира:

Тамъ всюду ужась, стонъ и крики,
Здѣсь всюду радость, плескъ и лики
[„На шведскій миръ“ 1790 г.].

Онъ всегда привѣтствовалъ заключеніе мира, даже такого непріятнаго мира, какъ Тильзитскій; онъ прославлялъ императора Павла за миролюбіе; при восшествіи на престолъ Александра I онъ радовался, что Россія будетъ избавлена отъ войны съ Англіей:

Желанный всѣми неба житель,
Ты, Миръ, пришелъ къ намъ наконецъ.

Любитель рѣзкихъ контрастовъ, Державинъ выступилъ съ наиболѣе сильнымъ протестомъ противъ войны и съ наиболѣе восторженнымъ гимномъ въ честь мира въ той же самой одѣ, гдѣ мы находимъ наиболѣе яркія батальныя картины и самый безудержный шовинизмъ— въ одѣ 1790 года „На взятіе Измаила“. Въ этой именно одѣ находится слѣдующая знаменитая строфа:

Война, какъ сѣверно сянѣе,
Лишь удивляетъ чернь одну;
Какъ свѣтлой радуги блистанье,
Всякъ мудрый любитъ тишину.
Что благовоннѣй аромата!
Что слаще меда, краше злата,
И драгоцѣннѣе порфирь?
Не ты ль, котораго всѣмъ взгляды
Люютъ обиліе прохлады,
Прекрасный и полезный Миръ?

Будучи такимъ восторженнымъ поклонникомъ мира, Державинъ признавалъ законными только оборонительныя и освободительныя войны и съ ненавистью отно-

сился къ завоевателямъ, въ особенности къ Наполеону. „Гнусна убійць народовъ слава... Во оборонѣ лишь отчизны вѣнчаетъ славою война“—говорится въ стихотвореніи 1810 года „Слава“, направленномъ противъ Наполеона въ то время, когда онъ находился подъ охраною русской цензуры. Когда же цензура не мѣшала, Державинъ называлъ французскаго императора Батыемъ, новымъ Тамерланомъ, вторымъ Навуходносоромъ, „адскимъ Саламандромъ“, княземъ тьмы и т. п. именами, доходя до пошлой ругани въ стихотвореніи „Горе-богатырь“.

А русскаго императора Державинъ прославлялъ, какъ освободителя царствъ и народовъ и какъ миротворца, который воевалъ съ Наполеономъ, чтобы „миръ общій, вѣчный міру дать“. Изъ русскихъ полководцевъ наибольшими симпатіями Державина пользовался князь Пожарскій, герой освободительной войны, котораго онъ превозносилъ и въ лирикѣ, и въ драмѣ „Пожарскій или освобожденіе Москвы“ и котораго хотѣлъ воспѣть въ особой поэмѣ. И завоевательнымъ войнамъ Екатерины II Державинъ старался придать освободительный или оборонительный характеръ, указывая на освобожденіе Греции, на сокрушеніе магометанства, на обезпеченіе войной мира.

Въ „Россіадѣ“ Хераскова такое же обиліе яркихъ батальныхъ картинъ, какъ и въ одахъ Державина; но въ этой же поэмѣ мы находимъ и заявленіе, что „безбожіе войны въ семь мѣрѣ производитъ“—войны, конечно, несправедливыя, завоевательныя. Что же касается воспѣтой Херасковымъ завоевательной войны Іоанна Грознаго, то въ покореніи Казани поэтъ видѣлъ войну освободительную („пою отъ варваровъ Россію свобожденну“).

Характерно также для Хераскова, что въ своей повѣсти „Нума Помпили или процвѣтающій Римъ“ онъ выставилъ образцомъ монарха самаго миролюбиваго римскаго царя.

Русская комедія XVIII вѣка даже въ лицѣ своего наиболѣе талантливаго и смѣлаго представителя не высказалась опредѣленнымъ образомъ противъ войны, хотя мы знаемъ, что Фонвизинъ считалъ ее страшнымъ бѣдствіемъ. Еще болѣе рѣшительнымъ противникомъ войны былъ Крыловъ. Во всей русской литературѣ XVIII вѣка мы не находимъ такихъ рѣзкихъ сатирическихъ отзывать о представителяхъ военнаго сословія и такого враждебнаго отношенія къ завоевателямъ, какъ въ „Почтѣ духовъ“.

Военные въ журналѣ Крылова обыкновенно страшные хвастуны; въ мирное время они „ни мало не радятъ ни о добродѣтели, ни о благопристойномъ обхожденіи“, предаваясь вслѣдствіе праздности распутству и устраивая дуэли—„сіи гнусныя сраженія, которыя противны общественному благоденствію и запрещаются Богомъ и государемъ“. Что касается побѣдителей и завоевателей, то они называются чудовищами, рожденными для гибели рода человѣческаго. „Монархъ,—говорится въ письмѣ 20-омъ,—предпріемлющій войну для защищенія своихъ областей и для поддержанія правъ и преимуществъ своего народа, есть мудрый отецъ, обремененный великою семьею дѣтей, коихъ хранить и оберегаетъ онъ отъ ненависти ихъ непріятелей; напротивъ того, государь, пекущійся единственно о удовлетвореніи своего тщеславія и убѣгающій мира для пагубнаго только удовольствія, чтобъ вести безпрестанно войну, наносить болѣе вреда людямъ, нежели язва и голодъ“.

Можно, конечно, спорить, Крылову или Радищеву принадлежит цитированное письмо; но подобные отзывы о завоевателях мы находимъ и въ такихъ сочиненіяхъ, принадлежность которыхъ будущему баснописцу не подлежитъ никакому сомнѣнію. Всемирные завоеватели и побѣдители народовъ „съ великимъ успѣхомъ замѣняютъ собою всемірный потопъ“, говорится въ повѣсти „Каибъ“. „Александръ Македонскій—иронизируетъ Крыловъ—прошелъ съ мечомъ черезъ многія государства, побилъ и разорилъ тысячи народовъ, кажется, для того, чтобы вымочить свои сапоги въ приливѣ океана и послѣ пощеголять этимъ дома“ („Похвальная рѣчь моему дѣдушкѣ“). Наполеонъ въ глазахъ Крылова — „прегнушной корсиканецъ, врагъ человѣчества, врагъ Бога, самозванецъ, который кровію полсвѣта обагрилъ, всѣ состоянія разстроилъ, разорилъ“.

Среди нѣсколькихъ десятковъ лирическихъ стихотвореній Крылова всего только одно вызвано русскими войнами, и это единственное стихотвореніе—ода 1790 г. на заключеніе мира со Швеціей—является протестомъ противъ войны и гимномъ въ честь мира. Даже въ своихъ басняхъ, вообще крайне сдержанныхъ и осторожныхъ, Крыловъ возставалъ противъ неумѣренныхъ притязаній военнаго сословія („Пушки и Паруса“), а войну представлялъ торжествомъ грубой силы: „кто одолѣетъ, тотъ и правъ“ („Левъ и Барсъ“).

Отъ классиковъ перейдемъ къ писателямъ сентиментальнаго направленія.

II. Карамзинъ, Радищевъ, Новиковъ.

Карамзинъ въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ носилъ гвардейскій мундиръ и порывался ѣхать въ армію, чтобы

враговъ разить и воинскою славой почтеніе людей и вниманье красавиць заслужить („Посланіе къ женщинамъ“). Выйдя въ отставку и сдѣлавшись литераторомъ, Карамзинъ не рѣдко настраиwалъ свою лиру на самый воинственный ладъ. Вотъ, на примѣръ, какую „Военную пѣснь“ написалъ онъ въ 1789 году.

Въ чьихъ жилахъ льется кровь героевъ,
Кто сердцемъ мужъ, кто духомъ россъ:
Тотъ презри нѣгу, роскошь, праздность,
Забавы, радость слабыхъ душъ!
Туда, гдѣ знамя брани вѣетъ—
Туда, гдѣ громъ войны гремитъ—
Гдѣ воздухъ стонетъ, солнце меркнетъ,
Земля дымится и дрожитъ;
Гдѣ жизнь блѣднѣетъ и трепещетъ;
Гдѣ злобы, клятвы, ада дщерь,—
Гдѣ смерть съ улыбкой пожираетъ
Тьмы жертвъ и кровь ихъ жадно пьетъ:
Туда спѣши, о сынъ Россіи,
Разить безчисленныхъ враговъ!
Какъ столпъ огня, палящій нивы,
Теки, стремись по ихъ рядамъ;
Перуномъ будь и стрѣлы грома
Бросай на нихъ и всѣхъ губи!
Да въ бурѣ гнѣва гласъ промчится:
Умри, умри, Россіи врагъ!
Губи!—Когда же врагъ погибнетъ.
Сраженный храбростью твоей,
Смой кровь съ себя слезами сердца:
Ты ближнихъ, братій поразилъ!

Если бы не послѣдняя строфа, трудно было бы допустить, что такое кровожадное стихотвореніе могъ написать сентиментальный ученикъ и поклонникъ Новикова. „Военная пѣснь“ не сообщаетъ даже, во имя чего и ради чего храбрый россъ долженъ губить своихъ вра-

говъ. Въ этомъ отношеніи гораздо выше патриотическая „Пѣснь афинянь“ (1793) и длинное дидактическое стихотвореніе „Дарованія“ (1795), гдѣ говорится о необходимости жертвовать жизнью, когда „оковы и стыдъ“ грозятъ отечеству, и признается важное значеніе патриотической поэзіи, питающей мужество и умножающей число героевъ.

Но рядомъ съ воинственно-патриотическими пѣснями мы находимъ въ стихотвореніяхъ Карамзина и восхваленіе мира.

Миръ блаженный, чадо Неба,
Къ намъ съ оливою летить,
И вѣнецъ свѣтлѣ Феба
На главѣ его блестить.

Такъ начинается „Пѣснь мира“, написанная Карамзинымъ въ 1791 году по случаю окончанія войны съ турками. „Счастье любить миръ“, заявляетъ Карамзинъ и въ „Посланіи къ женщинамъ“ (1795).

Еще миролюбивѣе Карамзинъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“. Онъ рассказываетъ тамъ, какъ, встрѣтившись въ Пруссіи съ однимъ воинственно настроеннымъ германскимъ офицеромъ, выступилъ горячимъ защитникомъ мира. „Я вооружился противу войны—пишетъ Карамзинъ—всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, описывая ужасы ея: стонъ, вопль несчастныхъ жертвъ, кровавою рѣкою на тотъ свѣтъ уносимыхъ; опустошеніе земель, тоску отцовъ и матерей, женъ и дѣтей, друзей и сродниковъ; сиротство музъ, которыя скрываются во мракъ, подобно какъ въ бурное время бѣдныя малиновки и синички по кустамъ прячутся и пр.“. Передъ памятникомъ Фридриху Вильгельму I Карамзинъ думалъ о томъ, что этотъ король болѣе достоинъ имени Великаго, чѣмъ его сынъ

Фридрихъ II, между прочимъ, за то, что „всегда отходила отъ войны“. Въ Англии на обѣдѣ у русскаго консула Карамзинъ провозгласилъ тостъ за вѣчный миръ и процвѣтаніе торговли.

Но будучи поклонникомъ вѣчнаго мира, Карамзинъ въ то же время понималъ, что война „бываетъ иногда необходима для пользы и безопасности государства“. Это заявленіе, сдѣланное въ 1795 году въ примѣчаніи къ одному стихотворенію, является ключомъ къ пониманію то миролюбивыхъ, то воинственныхъ выступленій Карамзина въ XIX вѣкѣ. Такъ въ одѣ, привѣтствовавшей восшествію на престолъ императора Александра I, Карамзинъ заявлялъ, что Россіи „довольно лавровъ славы, довольно ужасовъ войны“, и выражалъ желаніе, чтобы молодой государь сталъ „героємъ мирныхъ дѣлъ“ и вмѣсто меча взялъ вѣсы Феиды. А въ похвальному слову Екатерины II (1802) Карамзинъ прославляетъ ея побѣды и подвиги Румянцева и Суворова и выступаетъ защитникомъ завоевательныхъ войнъ Россіи въ XVIII вѣкѣ.

„Исчезни—говоритъ онъ—память кровожадныхъ Аттилъ, которые хотѣли побѣждать единственно для славы побѣдъ! но цвѣти имя героевъ, которые разили враговъ отечества и побѣдами запечатлѣли его благоденствіе! Петръ и Екатерина хотѣли приобрѣтеній, но единственно для пользы Россіи, для ея могущества и внѣшней безопасности, безъ которой всякое внутреннее благо ненадежно“¹⁾. Карамзинъ даже утверждалъ, что побѣдами

¹⁾ „Упрекнемъ ли Екатерину—говоритъ Карамзинъ и въ запискѣ „О древней и новой Россіи“—излишнимъ воинскимъ славолубіемъ? Ея побѣды утвердили внѣшнюю безопасность государства. Пусть иноземцы осуждаютъ раздѣлъ Польши: мы взяли свое“.

Екатерины надъ турками утверждено не только благо Россіи, но благо цѣлаго міра.

Ставя Екатерину, какъ завоевательницу, на ряду съ первыми героями вселенной, Карамзинъ все-таки признавалъ, что „воинская слава героини затмевается въ ней славою образовательницы государства“. А въ „Вѣстникъ Европы“ онъ заявлялъ, что „военное искусство есть нужнѣйшее для утвержденія государственнаго бытія нашего“, и не безъ тщеславнаго удовольствія писалъ: „Мы показали, какъ бьютъ шведовъ, турковъ—и наконецъ французовъ... Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе“ („О любви къ отечеству и народной гордости“).

И въ своемъ историческомъ трудѣ Карамзинъ съ особенной любовью и особеннымъ воодушевленіемъ изображалъ подвиги древнихъ русскихъ князей и полководцевъ, признавая законной всякую войну, которая необходима для государственной цѣлости и независимости.

Особенному подъему патріотизма въ душѣ Карамзина содѣйствовала борьба съ Наполеономъ. Въ 1806 году онъ написалъ „Пѣснь воиновъ“ съ призывомъ „низвергнуть общаго злодѣя“. Въ 1812 году онъ благословилъ на войну Жуковскаго и К. Калайдовича, при чемъ сказалъ послѣднему: „если бы я имѣлъ взрослого сына, въ это время ничего не могъ бы пожелать ему лучшаго“. Когда французы стали приближаться къ Москвѣ, Карамзинъ отправилъ семью въ Ярославль, а самъ собирался стать въ ряды защитниковъ отечества, несмотря на свой почтенный возрастъ. „Я радъ—писалъ онъ Дмитріеву—сѣсть на своего сѣраго коня и вмѣстѣ съ московскою удалою дружиною примкнуть къ нашей

арміи“. Покинувъ Москву однимъ изъ послѣднихъ, Карамзинъ собирался стать въ ряды ополченія, чтобы помочь освобожденію первопрестольной столицы, и только извѣстіе объ отступленіи французовъ помѣшало ему обнажить свой „исторіографскій мечь“.

Отечественная война была въ глазахъ Карамзина не только законной, но даже священной, по крайней мѣрѣ, совмѣстимой съ христіанскимъ ученіемъ, какъ это онъ старался доказать въ 1818 году императору Александру. По его словамъ, Христось училъ любить враговъ, но не запретилъ воинамъ оборонять государства. Истребляя полчища Наполеона, русскіе исполняли „законъ государственнй, который не принадлежитъ къ религіи, но также данъ Богомъ: законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ“ („Мнѣніе русскаго гражданина“).

Но признавая законными не только оборонительныя, но даже завоевательныя войны Россіи (за исключеніемъ несправедливой войны съ Швеціей въ 1809 г.), Карамзинъ и въ концѣ своей жизни пѣлъ гимны миру, предавалъ проклятію всѣ будущія войны и съ величайшей враждой относился къ такимъ завоевателямъ, какъ Александръ Македонскій и Наполеонъ. Послѣдняго онъ называлъ „всемирнымъ злодѣемъ“ и „державнымъ палачомъ“, передъ свирѣпостью котораго

Ничто Аттилы, Чингисханы,
Ничто Батыи, Тамерланы,—

какъ сказано въ одѣ 1814 года „Освобожденіе Москвы и слава Александра I“.

Ближайшій другъ Карамзина, Дмитріевъ, оставившій военную службу въ гвардіи только на тридцать шестомъ

году своей жизни, прославляя побѣды Екатерины II въ обычномъ для того времени ультрапатріотическомъ стилѣ и воспѣвалъ не только героя освободительной войны— Пожарскаго („Освобожденіе Москвы“), но и Суворова, и Потемкина, и Ермака, называя послѣдняго великимъ человѣкомъ, достойнымъ золотой статуи. Но гораздо характернѣе для поэзіи Дмитріева стихотворенія противоположнаго характера, съ прославленіемъ мира и отрицательнымъ отношеніемъ къ войнѣ и военной славѣ.

Самымъ рѣшительнымъ противникомъ войны среди представителей русскаго сентиментализма былъ, безспорно, Радищевъ. Александра Македонскаго онъ называлъ „разорителемъ полусвѣта“, а всѣхъ завоевателей вообще величалъ убійцами и разбойниками. Разсудительный умъ и чувствительное сердце, говоритъ онъ въ „Пѣсни исторической“, не могутъ находить ни славы ни геройства въ грабежахъ и насиліяхъ, въ неистовствахъ и звѣрствахъ, въ визгахъ и корчахъ смерти, съ которыми соединена война. Въ своемъ философскомъ сочиненіи „О человѣкѣ“ Радищевъ доказывалъ, что „человѣкъ вслѣдствіе тѣлеснаго своего сложенія рожденъ къ тишинѣ и миролюбію“, а если онъ вооружаетъ свои руки огнемъ и желѣзомъ и въ истребленіи себѣ подобныхъ оказывается свирѣпѣе львовъ и тигровъ, то это результатъ извращенія человѣческой природы.

Хотя въ одѣ „Вольность“ Радищевъ воспѣваетъ Вашингтона и другихъ борцовъ за свободу, даже освободительныя, а также оборонительныя войны не пользовались особеннымъ его сочувствіемъ. „Опасность плѣна едва оправдать можетъ убійство, войною называемое“, говорится въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“. Отъ этого заявленія не далеко до толстовскаго отри-

цанія всякой войны. Вообще можно сказать, что въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ войнѣ Радищевъ былъ радикальнѣе всѣхъ русскихъ писателей XVIII вѣка, не исключая такихъ убѣжденныхъ масоновъ, какъ Новиковъ.

Въ первыхъ своихъ журналахъ, выходившихъ во время войны съ турками, Новиковъ восхвалялъ храбрость русскихъ солдатъ и силу русской артиллеріи, помѣщалъ оды и надписи, превозносившія до небесъ побѣды Румянцева и Орлова. По словамъ одной надписи, напечатанной въ „Живописецъ“, Румянцевъ въ два года явилъ столько чудесъ, сколько не сдѣлали всѣ греческіе герои и помогавшіе имъ боги въ теченіе всей Троянской войны. Въ томъ же журналѣ была напечатана ода въ честь императрицы Екатерины съ пожеланіемъ, чтобы безконечное число ея побѣдъ покрывало ей весь свѣтъ. Но сдѣлавшись масономъ, Новиковъ почти во всѣхъ своихъ періодическихъ изданіяхъ помѣщалъ статьи противъ войны.

Въ „Утреннемъ Свѣтѣ“ доказывалось, что мирныя науки выше военныхъ. „Вечерняя Заря“ признавала всякую войну вредной для свободы и просвѣщенія, прославляла миръ, какъ первое условіе для процвѣтанія промышленности, наукъ и искусствъ, и мирилась только съ оборонительной войной, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. Въ „Покоящемся Трудолюбцѣ“ война называется „чудовищемъ, матерью злодѣяній, ненавистнымъ потомкомъ варварскихъ странъ, изъ ужаснѣйшихъ золъ человѣческихъ самымъ ужаснымъ“. Одно „Московское Изданіе“, признавая законными только оборонительныя войны, говорило въ то же время о пользѣ войны. (См. изслѣдованіе Незеленова „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.“ Спб. 1875).

III. В. А. Жуковскій.

Посмотримъ теперь, какъ относились къ войнѣ русскіе поэты первой половины XIX вѣка, пережившіе борьбу съ Наполеономъ и принявшіе личное участіе въ ней.

Жуковскій, какъ и слѣдовало ученику и поклоннику московскихъ масоновъ, началъ свою литературную дѣятельность еще на школьной скамьѣ гимназіи въ честь „золотой тишины“ и „животворнаго мира“. Въ преддверіи новаго столѣтія онъ желалъ для Россіи и для всей вселенной „благодѣтельнаго мира“; онъ доказывалъ, что „счастье лишь съ миромъ сопряжено“, что военной славы можетъ искать только злодѣй; онъ мечталъ, чтобы Россія, пожавшая столько лавровъ въ прошломъ, въ будущемъ украшалась только миртами и процвѣтала въ мирѣ со всѣми народами (Ода 1797 года, статья „Миръ и война“ 1798 г., стихотвореніе „Миръ“ 1800 г.).

Но суровая дѣйствительность не оправдала желаній и надеждъ кроткаго и чувствительнаго поэта. „Грозная война съ кровавыми глазами“ заставила и его самого сочинять воинственныя пѣсни и даже стать въ ряды защитниковъ отечества. Когда въ 1806 году былъ изданъ манифестъ о составленіи шестисоттысячнаго ополченія для войны съ Наполеономъ въ союзѣ съ Пруссіей, Жуковскій счелъ своимъ долгомъ принять участіе въ борьбѣ съ завоевателемъ, который былъ объявленъ врагомъ родины, христіанства и всего человѣчества. Онъ хотѣлъ, говоря его собственными

словами, „втереться въ штатъ котораго-нибудь изъ главнокомандующихъ областныхъ для письменныхъ дѣлъ“, но не отказывался итти и „во фронтъ“, если это окажется необходимымъ.

Въ 1806 году Жуковскаго отговорили отъ поступления на военную службу, но въ августѣ 1812 года онъ вступилъ въ ряды московскаго ополченія и, стоя въ резервѣ, слышалъ „дьявольскую канонаду“ при Бородинѣ. Потомъ онъ перешелъ въ главную квартиру русской арміи, дошелъ „по трупамъ завоевателей“ до Вильны, гдѣ заболѣлъ и взялъ безсрочный отпускъ. „Мнѣ дали чинъ (штабсъ-капитана),—писалъ онъ А. И. Тургеневу,—и навѣрное обѣщали Анну на шею, если я пробуду еще мѣсяць. Но я предпочелъ этому—в о з в р а щ е н і е (домой), ибо записался подъ знамена не для чина, не для креста и не по выбору собственному, а потому, что въ это время всякому должно было быть военнымъ, даже и не имѣя охоты; а такъ какъ теперь война не внутри, а внѣ Россіи, то почитаю себя въ правѣ сойти съ этой дороги, которая мнѣ противна и на которую могли меня бросить одни только обстоятельства“ (курсивъ Жуковскаго).

Главными памятниками патріотическаго воодушевленія, охватившаго Жуковскаго въ эпоху борьбы съ Наполеономъ, являются „Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей“ (1806) и особенно „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ (1812). Свой воинственный пылъ и свои призывы къ мщенію и истребленію врага миролюбивый Жуковскій оправдывалъ священнымъ, освободительнымъ характеромъ войны. Русскіе, по его словамъ въ „Пѣвцѣ“,

Простерли не къ добычамъ длань,
Бѣгутъ не за вѣнками—
Ихъ подвигъ святъ: то правыхъ брань
Съ злодѣйскими ордами.
Пришло разрушить ихъ мечамъ
Племень порабощенье;
Самимъ губителя рабамъ

Побѣды ихъ (русскихъ)—спасенье.

Но, воспѣвая героевъ Отечественной войны, Жуковский не забылъ воспѣть Святослава, Петра Великаго и Суворова, героевъ войнъ завоевательныхъ, а позже, въ качествѣ придворнаго поэта, онъ сдѣлался присяжнымъ пѣвцомъ военныхъ успѣховъ Россіи въ настоящемъ и прошломъ. Война за освобожденіе Европы отъ Наполеона и войны императора Николая I, а также разныя военныя и даже мирныя торжества—все это было использовано Жуковскимъ для славословія въ честь русскаго оружія и русскихъ полководцевъ. Вся военная исторія Россіи находила въ „тишайшемъ поэтѣ русской литературы“ (выраженіе г. Айхенвальда) защитника и поклонника; всѣ войны, которыя вела Россія, онъ считалъ необходимыми для ея самобытности и безопасности. „Несокрушаемыя грани намъ всюду создала война“, говорится въ его стихотвореніи „1 июля 1842 года“. Только къ раздѣлу Польши, расходясь со своимъ „евангелистомъ“ Карамзинымъ, онъ относился отрицательно, считая его дѣломъ несправедливымъ, хотя въ то же время оправдывалъ и даже воспѣвалъ усмиреніе польскаго возстанія въ 1831 году.

Но, усердно воспѣвая „желѣзный русскій фронтъ“ и „русскій штыкъ“, не отказываясь отъ перевода на русскій языкъ поэтическихъ произведеній самаго воинственнаго содержания, Жуковский оставался вѣ-

рень усвоенному имъ еще въ Благородномъ пансіонѣ отвращенію къ войнѣ. Даже въ своихъ воинственно-патріотическихъ стихотвореніяхъ онъ называлъ войну „врагомъ земныхъ народовъ“, выражалъ желаніе, чтобы „ярый духъ войны“ уступилъ мѣсто „веселому миру“, и даже мечталъ о томъ, чтобы Россіи удалось „миротворной правдой слить въ одно семейство всѣ народы“. Послѣ этого насъ не должно удивлять рѣзко отрицательное отношеніе Жуковскаго къ завоевателямъ, которыхъ онъ называлъ „опустошителями земли“ и „грабителями міра“.

И въ качествѣ придворнаго педагога Жуковскій также при всякомъ удобномъ случаѣ выступалъ поборникомъ мира и врагомъ войны и даже военщины. Назначенный наставникомъ цесаревича Александра Николаевича, онъ въ своемъ „Планѣ ученія“ настаивалъ, чтобы будущій императоръ занимался военными играми только во время лѣтнихъ каникулъ. Когда въ 1826 году восьмилѣтній цесаревичъ принялъ участіе въ одномъ разводѣ, Жуковскій, находившійся тогда въ Дрезденѣ, написалъ императрицѣ горячее письмо, въ которомъ доказывалъ, что преждевременныя „военственныя игрушки“ крайне вредны, и просилъ, чтобы въ будущемъ „не было подобныхъ сценъ“.

„Долженъ ли онъ быть только воиномъ,—писалъ Жуковскій,—дѣйствовать только въ сжатомъ горизонтѣ генерала? Когда же будутъ у насъ законодатели? Когда будемъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣщеніе, нравственность!—Государыня, простите моимъ восклицаніямъ; но страсть къ военному ремеслу стѣснить его душу: онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, въ

отечествѣ—казарму... Арміи не составляютъ могущества государства или государя. Если царь занять однимъ устройствомъ войска, то оно годится только на то, чтобы произвести 14-е декабря“.

Изъ учебныхъ предметовъ Жуковскій выдвигалъ на первый планъ исторію, которая, между прочимъ, должна была показать царственному воспитаннику, что „истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа“. Въ составленныхъ Жуковскимъ для цесаревича „Чертахъ исторіи государства Россійскаго“ мы находимъ такой заключительный выводъ: „Что утверждаетъ могущество государства? Устройство внутреннее, плодъ долговременнаго мира“. И въ письмахъ къ своему ученику Жуковскій старался развивать въ немъ миролюбіе. Въ 1833 году въ письмахъ изъ Швейцаріи онъ доказывалъ, что въ наше время „міровладычество Александра и Рима невозможно, по крайней мѣрѣ непрочно“, какъ это показалъ примѣръ Наполеона; что хотя въ будущемъ мы увидимъ много политическихъ потрясеній, но благодаря христіанству „голосъ мира и порядка болѣе и болѣе становится понятенъ“.

Вообще можно сказать, что въ своей прозѣ, особенно въ эпистолярной прозѣ, Жуковскій былъ гораздо миролюбивѣе, чѣмъ въ своихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ иногда по обязанности. Особенно настойчиво и неоднократно доказывалъ и указывалъ Жуковскій, что Россія больше не нуждается въ завоевательныхъ войнахъ. Въ 1834 году, по случаю освященія Александровской колонны, онъ писалъ: „И ангель, вѣнчающій колонну сію, не то ли онъ знаменуетъ, что дни боевого созданія для насъ миновались, что все

для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ и не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ только для сохраненія; что наступило время созданія мираго (курсивъ Жуковскаго); что Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія“ и т. д.

Приведенныя мысли повторяются, иногда въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, и развиваются въ письмахъ Жуковскаго къ его бывшимъ ученикамъ и ученицамъ изъ царской семьи. Эти же самыя мысли Жуковскій старался устно и письменно распространять среди своихъ нѣмецкихъ друзей и знакомыхъ. Такъ, напри- мѣръ, въ 1845 году онъ писалъ великому князю Константину Николаевичу: „Лучше тѣхъ границъ, которыя теперь имѣетъ Россія, и выдумать невозможно (хотя, впрочемъ, и теперь уже есть для нея бѣдственныя излишки); но горе, если мы захотимъ распространяться“. Послѣ февральской революціи Жуковскій доказывалъ цесаревичу, что „завоеванія намъ не только не нужны, но и вредны“; что „наши завоеванія никогда не были чисто-завоевательными, а только образовательными пріобрѣтеніями“; что мы имѣемъ теперь все, что необходимо для нашей самобытности и неприкосновенности, и потому не должны вмѣшиваться въ западно-европейскія событія; напротивъ, должны отгородиться китайскою стѣною противъ революціонной заразы и помнить, что „мы можемъ обойтись безъ Европы“, что „ходъ Россіи не есть ходъ Европы“.

И графу Ш—гу Жуковскій доказывалъ въ томъ же 1848 году, что, вопреки враждебно настроенной нѣмецкой прессѣ, Россія не имѣетъ никакихъ завоевательныхъ замысловъ, что дальнѣйшія завоеванія для нея были бы не полезными, а вредными: „они были бы не образовательныя, а разрушительныя завоеванія“ (курсивъ Жуковского); что Россія никогда не была чисто-завоевательнымъ государствомъ, что всѣ ея завоеванія были вызваны государственной необходимостью, а не честолюбіемъ; что честолюбивыя завоеванія съ цѣлью созданія всемірной монархіи принадлежать исключительно Западу.

Даже завоеваніе Константинополя Жуковскій считалъ вреднымъ для Россіи, потому что боялся превращенія Русскаго царства въ Византійскую имперію. „Эта Византія,—писалъ онъ вел. кн. Константину въ 1845 г.,—роковой городъ. Ею рѣшилось паденіе Рима... Не брать и никому не давать Константинополя, этого для насъ довольно“. Гораздо важнѣе, по мнѣнію Жуковского, освобожденіе отъ турецкаго владычества Іерусалима, и онъ желалъ, чтобы это освобожденіе совершилось по слову русскаго царя, но отнюдь не силой оружія. „Пролитіе крови за Христа или въ честь Христа есть святотатство“, писалъ Жуковскій въ 1849 году.

Имѣя дѣло съ такимъ пылкимъ корреспондентомъ, какъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ, только что вернувшійся изъ венгерскаго похода, Жуковскій допускалъ, что война имѣетъ своеобразную прелесть, „заключающуюся въ кипучей, поэтической военной жизни, въ этомъ могучемъ очарованіи мужества, въ этомъ удвоенномъ чувствѣ жизни, приобрѣтающей

особенную сладость отъ присутствія смерти, отъ презрѣнія опасности“. Но въ то же время Жуковскій радовался, что эта поэтическая прелесть не обольстила его бывшаго ученика, что, полакомившись опасностями войны, столь вкусными для молодого, храбраго сердца, онъ сохранилъ трезвость разума, чтобы разглядѣть бѣдствія, которыя влечетъ за собою всякая война.

Когда въ западной Европѣ улеглась революціонная буря, Жуковскій думалъ или хотѣлъ думать, что періодъ войнъ кончился, и что европейская исторія пойдетъ мирнымъ путемъ, не жертвуя святыней вѣчной правды Молоху государственной пользы. Въ 1850 году, въ статьѣ „Русская и англійская политика“, написаной для Паскевича, онъ развивалъ такія мысли: „Теперь настало время перемѣнить основныя правила политики и опереть ее не на языческихъ понятіяхъ метафизическаго государства, а на христіанскихъ понятіяхъ царства Божія, въ которомъ нѣтъ враговъ, а есть одинъ союзъ народовъ для общаго благоденствія. Всѣ борьбы для утвержденія безопасности политической кончились. Теперь всякая война въ угожденіе честолюбію и хищничеству, всякая политическая война (кромя войны противъ губителей нравственности и общественнаго порядка) есть безумство и бесполезное преступленіе. Настала пора воздвигнуть знамя любви христіанской и соединиться въ одну рать для охраненія общаго благоденствія“.

Приведенная цитата отдаетъ фразеологіей акта Священнаго союза, но Жуковскій имѣлъ въ виду не реакціонный союзъ монарховъ, а консервативный „союзъ народовъ“, регулирующий международныя отношенія основами христіанской морали. Слѣдуетъ

впрочемъ упомянуть, что, признавая усмиреніе Венгрии справедливой войной, преслѣдовавшей „великую цѣль спасенія правды“, Жуковскій въ 1849 году былъ гораздо ближе къ идеямъ Священнаго союза, чѣмъ въ 1821 году, когда онъ горячо сочувствовалъ грекамъ, возставшимъ противъ турецкаго ига.

IV. К. Н. Батюшковъ и К. О. Рылѣвъ.

Въ противоположность Жуковскому Батюшковъ принялъ участіе въ борьбѣ съ Наполеономъ въ 1807 году, когда дѣло шло о спасеніи Пруссіи, но лишень былъ возможности защищать отечество въ 1812 году и могъ только завидовать тѣмъ, кто проливалъ кровь на поляхъ Бородина. Кромѣ того, въ составѣ русской гвардіи Батюшковъ совершилъ походъ въ Финляндію, а потомъ, въ качествѣ адъютанта генерала Раевского, участвовалъ въ „битвѣ народовъ“ подѣ Лейпцигомъ и дошелъ съ русскими войсками до Парижа.

Какъ видно изъ писемъ Батюшкова, на первыхъ порахъ ему нравилось „военное ремесло“, и онъ рвался въ бой, но послѣ тяжелой раны, полученной въ Восточной Пруссіи, его отношеніе къ войнѣ стало дѣлаться все болѣе и болѣе неблагоклоннымъ. Въ 1811 году, въ письмахъ къ Гнѣдичу, онъ называетъ себя „весьма миролюбивымъ солдатомъ“ и выражаетъ протестъ противъ войны по поводу одной книги, гдѣ доказывалось, что „люди рѣжутъ другъ-друга затѣмъ, чтобы основывать государства“. „Пусть читаютъ,—говоритъ Батюшковъ,—сіи кровавые экстракты тѣ, у которыхъ нѣтъ ни сердца, ни души“.

Когда въ 1812 году Батюшковъ увидѣлъ въ род-

ной странѣ такіе ужасы, которыхъ онъ не видѣлъ ни въ Пруссіи, ни въ Финляндіи—„переселеніе цѣлыхъ губерній... нищета, отчаяніе, пожары, голодъ“—и особенно, когда до него дошли извѣстія о разореніи и поруганіи Москвы, онъ былъ охваченъ страшнымъ негодованіемъ. „Мщенія, мщенія! Варвары, вандалы!“—писалъ онъ Оленину въ октябрѣ 1812 года изъ Нижняго-Новгорода. Но когда подъ Лейпцигомъ ему пришлось развѣзжать по грудамъ убитыхъ и раненыхъ и лишиться лучшаго своего друга Петина, тогда онъ заговорилъ о „желанномъ мирѣ“. „Всѣ желаютъ мира,—писалъ онъ послѣ торжественнаго вступленія въ Парижъ,—дай Богъ! Мы всѣ желаемъ того. Выстрѣлы надоѣли, а болѣе всего плачь и жалобы несчастныхъ жителей, которые вовсе разорены по большимъ дорогамъ“.

Въ прозаическихъ статьяхъ Батюшкова мы находимъ не мало слѣдовъ его увлеченія войной съ точки зрѣнія художника. Онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о лагерной жизни, даетъ „разительное“ изображеніе ратнаго стана въ лѣсахъ Финляндіи, восторгается батальными картинами въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“, но находитъ, что „сраженія новѣйшія живописнѣе древнихъ и потому болѣе способны къ поэзіи“.

О поэзіи военной жизни и сраженій говоритъ Батюшковъ и въ стихотворномъ посланіи къ Н. М. Муравьеву (впослѣдствіи декабристу), гдѣ „кровавая война“ предпочитается „вялому миру“ и гдѣ находятся такія строфы:

Но слаше мнѣ среди полей
Увидѣть первые биваки

И ждѣть безопасно у огней
Съ разсвѣтомъ дня кровавой драки.

Какъ весело передъ строями
Летать на ухорскомъ конѣ
И съ первыми въ дыму, въ огнѣ,
Ударить съ крикомъ за врагами!

Но это посланіе, написанное въ 1817 году, представляетъ исключительное явленіе въ поэтическомъ наслѣдствѣ, полученномъ нами отъ Батюшкова. Большинство его стихотвореній проникнуто совершенно инымъ отношеніемъ къ войнѣ. Такъ, въ „Воспоминаніяхъ 1807 г.“, онъ отрицательно относится къ военной славѣ и мирную жизнь предпочитаетъ браннымъ тревогамъ. Въ посланіи къ Петину (1810 г.) онъ называетъ себя челоувкомъ „безполезнымъ и въ любви и на войнѣ“ и заявляетъ, что не любитъ такихъ кровавыхъ „забавъ“, какъ ночныя атаки въ штыки. Онъ переводитъ элегію Тибулла, заключающую протестъ противъ войны, и называетъ „сладостный миръ“ сыномъ Неба. Позже онъ переводитъ пьесу Мильвуа „Гезіодъ и Омиръ соперники“, гдѣ побѣдителемъ признается не пѣвецъ войны, а пѣвецъ мира.

Вообще лира Батюшкова настраивалась почти всегда на минорный ладъ, когда онъ предавался своимъ военнымъ воспоминаніямъ.

Но отдавая предпочтеніе миру передъ войной, Батюшковъ не вѣрилъ въ возможность установленія на землѣ вѣчнаго мира. Бернарденъ де Сень-Пьеръ, выступившій въ 1713 году съ проектомъ вѣчнаго мира и встрѣтившій сочувствіе величайшихъ умовъ XVIII вѣка, въ глазахъ Батюшкова былъ не болѣе, какъ „мечтатель, подобный Руссо“. „Его философія,—запи-

саль онъ въ своемъ дневникѣ 1817 года,—бредъ, въ которомъ сіяетъ воображеніе и всегда видно доброе и чувствительное сердце“.

Отечественная война заставила одѣтъ военный мундиръ и Грибоѣдова. Хотя ему не пришлось получить боевого крещенія, но онъ усердно, съ полнымъ сознаниемъ важности своего дѣла, принималъ участіе въ комплектованіи кавалерійскихъ резервовъ, о чемъ даже напечаталъ спеціальную статью въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814 года. Мы знаемъ, что впослѣдствіи, во время пребыванія на Кавказѣ, Грибоѣдовъ находилъ удовольствіе въ наблюденіи сраженій; что онъ былъ очень храбрымъ человѣкомъ, хладнокровно разѣзжалъ подъ пулями и въ Тегеранѣ умеръ, какъ герой; что, въ противоположность Державину, Карамзину, Крылову, Жуковскому и Батюникову, онъ съ уваженіемъ относился къ Наполеону, считая его „великимъ государемъ и человѣкомъ“. Но какъ относился Грибоѣдовъ къ войнѣ, объ этомъ трудно составить определенное представленіе на основаніи его сочиненій, писемъ и біографическихъ матеріаловъ. На основаніи приведенныхъ фактовъ можно только съ нѣкоторымъ правомъ предполагать, что ни враждебные отзывы о русскихъ офицерахъ и генералахъ, ни отрицательное отношеніе къ „барабанному просвѣщенію“, которое распространялось Россіей на Кавказѣ, ни извѣстное сочувствіе горцамъ, боровшимся за свободу, ни выдающіеся успѣхи на дипломатическомъ поприщѣ не мѣшали Грибоѣдову смотрѣть на войну иными глазами, чѣмъ разсмотрѣнные до сихъ поръ русскіе писатели.

Болѣе определенными данными по интересующему

нась вопросу располагаемъ мы относительно сверстника Грибоѣдова—Рылѣва, человѣка съ такимъ же пылкимъ темпераментомъ. Еще кадетомъ Рылѣвъ грезилъ о бранныхъ подвигахъ, писалъ воинственныя стихотворенія и съ нетерпѣніемъ дожидался производства въ офицеры, чтобы, какъ онъ писалъ отцу въ концѣ 1812 года, „имѣть счастье приобщиться къ числу защитниковъ своего отечества, царя и алтарей земли нашей“. Но испытавши это счастье и побывавши въ Парижѣ, Рылѣвъ вскорѣ послѣ возвращенія въ Россію ради семейнаго счастья отказался отъ „жажды славы“ и покинулъ военную службу.

Въ своихъ стихотвореніяхъ Рылѣвъ воспѣвалъ выдающихся русскихъ дѣятелей какъ на гражданскомъ, такъ и на военномъ поприщѣ и съ особеннымъ уваженіемъ относился къ героямъ освободительныхъ войнъ, напримѣръ, къ Наливайкѣ, Богдану Хмельницкому и др., не останавливаясь даже передъ идеализаціей кровожаднаго гайдамака и сторонниковъ Мазепы. Сочувственно относился онъ и къ возставшииъ грекамъ и выражалъ желаніе, чтобы Ермоловъ былъ посланъ съ русскими полками „спасать сыновъ Эллады“... Но конечнымъ и высшимъ идеаломъ Рылѣва былъ „желанный миръ“. Княгиня Ольга въ его думѣ совѣтуетъ Святославу быть больше княземъ и отцомъ своихъ подданныхъ, чѣмъ воиномъ, и „мирное счастье“ предпочитать воинскимъ подвигамъ. Въ знаменитой одѣ на день тезоименитства великаго князя Александра Николаевича (1823) Рылѣвъ еще раньше Жуковского заявлялъ, что

... Для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;

Довольно громозвучной славы

Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ—

и выражалъ желаніе, чтобы будущій императоръ ознаменовалъ свое царствованіе подвигами на поприщѣ просвѣщенія, правосудія, мудрости, гуманности и т. п.

Такое же предпочтеніе мирныхъ гражданскихъ дѣлъ военнымъ подвигамъ высказано Рылѣевымъ и въ одѣ „Гражданское мужество“, гдѣ говорится, что

...Подвигъ воина гигантскій

И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ

Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ—

Ничто предъ доблестью гражданской.

Исключительное явленіе среди наиболѣе извѣстныхъ русскихъ поэтовъ, принимавшихъ участіе въ борьбѣ съ Наполеономъ, представляетъ извѣстный партизанъ Отечественной войны Давыдовъ, который скучалъ безъ войны и при всякомъ случаѣ заявлялъ въ своихъ стихотвореніяхъ, что онъ любитъ кровавый бой, что лучшая смерть на полѣ битвы,—который не стыдился называть своими предками Чингизхана и Батыя и прямо благоговѣлъ передъ Наполеономъ. Въ его глазахъ это былъ „чудесный человѣкъ, невиданный и неслышанный полководецъ“, „исполинь мысли“ на полѣ брани и въ государственныхъ дѣлахъ, „умственный феномень вѣковъ и народовъ“, „ослѣпительный метеоръ, облеченный въ очарованіе высочайшей поэзіи“ и т. д. Но и этотъ профессиональный рубака и самый воинственный русскій поэтъ въ концѣ своей жизни сдѣлалъ неожиданное и, можетъ быть, не совсемъ искреннее заявленіе: „Я не хочу войны, я разлюбилъ войну“.

V. Кн. П. А. Вяземскій.

Болѣе своеобразно было отношеніе къ войнѣ кн. Вяземскаго, не разъ мѣнявшееся на протяжении семидесяти лѣтъ его поэтической дѣятельности. До войны 1812 года его „упрямая муза“ чуждалася „съ героями союза“ и ни за что не хотѣла воспѣвать „браней и побѣдъ перуны“ („Признаніе“ 1811 г.).

Отечественная война заставила кн. Вяземскаго оставить молодую жену и ребенка, поступить ополченцемъ въ полкъ Мамонова, принять участие въ Бородинскомъ сраженіи и, наконецъ, сдѣлаться пѣвцомъ героевъ „праведной войны“, начиная съ императора Александра и кончая рядовымъ казакомъ.

Счастливъ, кто мечъ, отчизнѣ посвященный,
Подъялъ за прахъ родныхъ, за домъ царей,
За смерть въ бояхъ утраченныхъ друзей—
говорить поэтъ въ посланіи къ Жуковскому.

Но наступленіе мира радовало кн. Вяземскаго не меньше, чѣмъ громкія побѣды русскаго оружія, и въ стихотвореніи на взятіе Парижа онъ выражалъ желаніе, чтобы отомщенная Москва всегда была „обителью счастья и мира“ и чтобы народы, омытые кровью, связались миромъ и любовью. Даже Священный союзъ вызвалъ славословіе со стороны кн. Вяземскаго, потому что въ этомъ „союзѣ царей“ онъ видѣлъ обезпеченіе всеобщаго мира народовъ.

Когда юный Пушкинъ въ эпилогѣ „Кавказскаго плѣнника“ заявилъ о своемъ намѣреніи воспѣть покорителей Кавказа и въ томъ числѣ генерала Котлярев-

скаго, который, „какъ черная зараза, губиль, ничтожилъ племена“,—кн. Вяземскій былъ глубоко возмущенъ и намѣреніемъ поэта и приведеннымъ сравненіемъ. „Мнѣ жаль,—писаль онъ А. И. Тургеневу,—что Пушкинъ окровавилъ послѣдніе стихи своей повѣсти. Что за герой Котляревскій, Ермоловъ? Что тутъ хорошаго, что онъ, какъ черная зараза, губиль ничтожилъ племена? Отъ такой славы кровь стынетъ въ жилахъ, и волосы дыбомъ становятся. Если бы мы просвѣщали племена, то было бы что воспѣть. Поэзія—не союзница палачей... гимны поэта никогда не должны быть славословіемъ рѣзни... Такой восторгъ—настоящій анахронизмъ“.

Въ царствованіе императора Николая I кн. Вяземскій, подобно Пушкину, примирился съ правительствомъ и отрѣшился отъ прежнихъ своихъ увлеченій либерализмомъ и конституціонализмомъ. Когда началась война съ Турціей въ 1828 году, онъ даже хлопоталъ о томъ, чтобы получить мѣсто при главной квартирѣ по гражданской части. Но пѣвцомъ русскихъ побѣдъ надъ персами, турками, а также надъ поляками онъ не сдѣлался. Напротивъ, „шинельныя“, по его выраженію, стихотворенія Жуковскаго и Пушкина, вызванныя усмиреніемъ польскаго возстанія, были имъ встрѣчены съ такимъ же негодованіемъ, какъ и эпиллогъ „Кавказскаго плѣнника“.

„Стихи Жуковскаго,—говоритъ кн. Вяземскій въ своемъ дневникѣ,—навели на меня тоску... Какъ можно въ наше время видѣть поэзію въ б о м б а х ъ, въ п а л и с а д а х ъ... Мало ли что политика можетъ и должна дѣлать? Ей нужны палачи, но развѣ вы будете ихъ пѣть?.. Какъ ни говори, а стихи Жуковскаго — ипе

question de vie et de mort между нами. Для меня они такая пакость, что я предпочелъ бы имъ смерть“. Въ пушкинскихъ пьесахъ „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“ князю Вяземскому не нравились „географическія фанфаронады“ въ родѣ „отъ Перми до Тавриды“ и т. д., ему казалось „святотатствомъ“ сопоставленіе Бородинской битвы со взятіемъ Варшавы, онъ не хотѣлъ даже вѣрить искренности пушкинскаго патриотизма. „Неужели Пушкины не убѣдился,—говорить онъ,—что намъ съ Европою воевать была бы смерть. Зачѣмъ же говорить нелѣпости и еще противъ совѣсти и болѣе всего безъ пользы?“ (См. сочиненія кн. Вяземскаго, т. IX, стр. 155—159).

Кн. Вяземскому не чужда была національная гордость славнымъ прошлымъ и настоящимъ могуществомъ Россіи, но ея девизомъ онъ считалъ „духъ братства, мира и любви“ (стихотвореніе 1848 года „Святая Русь), и ни о какихъ завоеваніяхъ онъ не мечталъ даже въ началѣ войны 1853—1855 годовъ, хотя и былъ убѣжденъ, что Царьградъ рано или поздно долженъ сдѣлаться русскимъ. Въ своемъ дневникѣ и въ своихъ частныхъ письмахъ, относящихся къ этой эпохѣ, кн. Вяземскій былъ довольно суровымъ критикомъ и русской дипломатіи, которая своей уступчивостью и миролюбіемъ будто бы „накликала на насъ войну“, и русской военной силы, которая оказалась не на высотѣ призванія. „Того и смотри,—пророчески записалъ онъ 16 ноября 1853 года,—что теперь мы будемъ и побиты, и обмануты“. Но въ конечной побѣдѣ Россіи онъ не сомнѣвался, утѣшая себя и своихъ друзей афоризмомъ: „русскій человекъ и заднимъ умомъ и заднимъ оружіемъ крѣпокъ“.

Свое отношеніе къ Восточной войнѣ кн. Вяземскій высказалъ также въ книгѣ „Письма стараго ветерана“, написанной по-французски, изданной за границей въ 1855 году и предназначенной для воздѣйствія на западно-европейское общественное мнѣніе. Въ книгѣ этой, между прочимъ, доказывалось, что Россія не думаетъ о завоеваніяхъ, что она сражается за свободу и независимость восточной церкви и православныхъ братьевъ, что Россію „втянули“ въ войну съ цѣлю отодвинуть ее на цѣлый вѣкъ назадъ, но результатъ войны будетъ совершенно иной: она выдвинетъ насъ на цѣлый вѣкъ впередъ.

Постигшія Россію военныя неудачи кн. Вяземскій считалъ временными, объясняя ихъ недостаткомъ людей и возлагая отвѣтственность за этотъ недостатокъ на правительство, которое „вездѣ подавляло личность и требовало одного безусловнаго повиновенія.. изъ людей сдѣлало слѣпыхъ и бездушныхъ орудія, пружины“. Но русскій солдатъ приводилъ кн. Вяземскаго въ восторгъ своимъ героизмомъ, и хотя онъ понималъ, что массы безъ хорошихъ вождей побѣждать не могутъ, тѣмъ не менѣе, надѣялся на почетный исходъ войны и съ величайшимъ неудовольствіемъ встрѣтилъ переговоры о мирѣ. Не только паденіе Севастополя, но даже потеря Кронштадта и Петрограда, по его мнѣнію, „не должны бы вынудить насъ на принятіе мира, оскорбительнаго для народной чести“ (Сочиненія кн. Вяземскаго, т. X, стр. 143—144).

И съ западно-европейскимъ читателемъ въ „Письмахъ стараго инвалида“, и со своими друзьями въ частныхъ письмахъ изъ-за границы, и наединѣ съ самимъ собою въ своемъ дневникѣ кн. Вяземскій гово-

рилъ о войнѣ вполне приличнымъ языкомъ, обнаруживая не только глубокой патріотизмъ, но временами и вѣрно е понимание переживаемаго Россіей историческаго момента. Совершенно другой тонъ и языкъ въ сборникѣ его стихотвореній подъ заглавіемъ „Къ ружью!“ напечатанномъ въ 1854 году въ пользу нижнихъ чиновъ русской арміи и представляющемъ едва ли не самую крупную дань тому безудержному шовинизму, который заполонилъ тогдашнюю русскую литературу стихами и прозой самага воинственно-патріотическаго и даже кровожаднаго характера.

Въ стихотвореніяхъ кн. Вяземскаго мы находимъ не только призывы на защиту восточной церкви и единовѣрныхъ славянъ, но также насмѣшки и ругань по адресу враговъ въ самомъ вульгарно-площадномъ тонѣ. Въ одномъ и томъ же стихотвореніи у него и призывъ на „святую сѣчу“ и такая кровожадная строфа:

Мой булатъ—наслѣдство дѣдовъ,
Кровью крымцевъ, кровью шведовъ
Распотѣшился въ бою.
Жаждетъ онъ опохмелиться,
Кровью свѣжей вновь упиться,
Счистить ржавчину свою.

[«Пѣснь русскаго ратника»].

Съ явнымъ желаніемъ удержать только что вступившаго на престолъ императора Александра II отъ заключенія оскорбительнаго для національной чести мира, кн. Вяземскій въ одномъ стихотвореніи доказывалъ даже пользу и необходимость войны вообще:

Война и миръ равно въ народной жизни нужны.
Въ пылу огня дано желѣзу отвердѣть.

[«18 февраля 1855 года»].

Неудачный исходъ Крымской войны настолько отрезвилъ кн. Вяземскаго и исцѣлилъ его отъ шовинизма, что въ 1859 году, во время войны Франціи съ Австріей, онъ высказался за нейтралитетъ Россіи и совѣтовалъ ей думать больше о внутреннихъ реформахъ, чѣмъ о завоеваніяхъ:

Къ чему по кровавому полю
Искать намъ чужихъ крѣпостей?
Изъ крѣпости русской на волю
Отпустимъ мы Божьихъ дѣтей.

Но и послѣ Крымской войны кн. Вяземскій продолжалъ признавать необходимость войны въ извѣстныхъ случаяхъ. „По неисповѣдимымъ судьбамъ,—писалъ онъ въ 1873 году,—естественныя условія всего созданнаго и живущаго опираются на препирательствѣ и борьбѣ. Необходимость войны, вслѣдствіе той или другой причины, того или другого предлога, той или другой страсти, есть прискорбное таинство въ жизни человѣчества“ (VII, 351). Войны оборонительныя, Крымская и въ особенности Отечественная война, всегда вызывали въ душѣ кн. Вяземскаго самыя благоговѣйныя чувства. Не даромъ онъ такъ рѣзко нападалъ въ 1868 году на „Войну и миръ“ Толстого, усмотрѣвши въ этомъ романѣ „протестъ противъ 1812 года“ и продуктъ нравственно-литературнаго материализма, историческаго вольнодумства, невѣрія и т. д. и т. д.

И въ то же время кн. Вяземскій считалъ зломъ въ сякую войну. „Правильна пословица наша,—писалъ онъ въ 1876 году,—худой миръ лучше доброй брани. Да худого мира и быть не можетъ въ общемъ значеніи. Всякая война есть недугъ: она изнуряетъ народныя силы, отвлекаетъ ихъ отъ правильнаго внутрен-

няго разрабатыванія“ (VII, 445). Поэтому въ глубокой старости такъ же, какъ и въ ранней молодости, кн. Вяземскій видѣлъ заслугу Священнаго союза въ томъ, что онъ обезпечилъ и сохранилъ продолжительный европейскій миръ.

Признавши зломъ всякую войну, кн. Вяземскій отнесся крайне враждебно и къ надвигавшейся войнѣ Россіи съ Турціей. Онъ не вѣрилъ въ глубину и сознательность общественнаго движенія въ пользу южныхъ славянъ, видѣлъ въ этомъ движеніи „судороги“ и „юродство“ и приписывалъ его славянофильской агитации. „Всѣ упиваются,—писалъ онъ гр. С. Д. Шереметеву,—патриотическою сивухою на славянскомъ настоѣ и закусывають бѣленою. Народъ не можетъ желать войны, а по недосмотрительности своей ведетъ къ войнѣ. Война теперь можетъ быть для насъ не только вредъ, но и гибель. Она можетъ наткнуться на государственное банкротство“.

Славянская солидарность и славянское единство въ глазахъ престарѣлаго поэта были пустыми звуками. Сербы, по его мнѣнію, должны сами освободиться отъ турецкаго ига, а жертвы Россіи кровью и деньгами ради благоденствія сербовъ по меньшей мѣрѣ не благоразумны, потому что освобожденіе славянъ не сдѣлаетъ насъ сильнѣе. Напротивъ, для Россіи выгоднѣе имѣть подъ бокомъ дряхлую Турцію, нежели „молодую, сильную, демократическую Славонію, которая будетъ насъ опасаться, но любить насъ не будетъ“. „И когда намъ были въ пользу славяне?—спрашиваетъ кн. Вяземскій:—Россія для нихъ дойная корова, и только. А всѣ ихъ сочувствія уклоняются къ Западу“.

Кромѣ того, война за освобожденіе южныхъ славянъ пугала кн. Вяземскаго возможностью такихъ осложненій, которыя способны вызвать общеевропейскую войну. Наконецъ, болѣе всего возмущало его желаніе нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ придать войнѣ съ Турціей священный характеръ. Кн. Вяземскій совершенно забылъ все то, что онъ писалъ прозой и стихами о священномъ характерѣ Крымской войны. „Религіозная война,—писалъ онъ въ 1876 году,—хуже всякой войны и есть аномалія, анахронизмъ въ наше время. Турки не виноваты, что Богъ создалъ ихъ магометанами, а отъ нихъ требуютъ христіанскихъ, евангельскихъ добродѣтелей. Это нелѣпо... Крестъ Спасителя обратили въ пушку и стрѣляютъ изъ креста. Все это неправильно, недобросовѣстно, просто не честно“ (VII, 466—468).

Приведенные взгляды, высказанные въ статьяхъ и письмахъ кн. Вяземскаго, нашли отраженіе и въ его послѣднихъ стихотвореніяхъ. Вскорѣ послѣ Крымской войны онъ могъ еще злорадствовать при видѣ войны между недавними врагами Россіи:

Гляжу и люблюсь ихъ дракой;
Куда какъ потѣшень для глазъ
Бой кошки съ задорной собакой,
Которыя лѣзли на насъ;

онъ могъ воспѣвать покорителя Кавказа кн. Барятинскаго; онъ всегда съ благоговѣніемъ вспоминалъ Бородино и Севастополь. Но постепенно, по мѣрѣ приближенія къ концу жизни, кн. Вяземскій дѣлается все миролюбивѣе въ своихъ стихотвореніяхъ.

Посѣщая за границей мѣста знаменитыхъ битвъ, онъ удивлялся, какъ можно было проливать кровь

среди такой прекрасной природы; побѣдамъ оружія онъ предпочиталъ „побѣды нравственныя и мирныя торжества“ и даже ждалъ отъ нихъ осуществленія историческихъ задачъ Россіи. Его стихотвореніе 1867 года „Князю А. М. Горчакову“ заканчивается такими словами:

... Мы святую Русь святой и величаемъ
За то, что вѣруемъ въ нее и съ вѣрой чаемъ,
Что мирно совершимъ, въ урочный день и часъ,
Мы подвигъ, Промысломъ возложенный на насъ.

Мысли, высказанныя поэтомъ въ цитированномъ письмѣ къ гр. Шереметеву, легли въ основу длиннаго, но оставшагося необработаннымъ стихотворенія „Весна 1877 года“. И здѣсь доказывается, что Россія не должна быть „прислужницей какихъ-нибудь славянъ“, что у Россіи нѣтъ для нихъ ни лишней крови, ни лишнихъ милліоновъ. И здѣсь поэтъ возмущается, что война проповѣдуется во имя Христа, учителя мира и любви.

Таково было послѣднее слово русскаго поэта, на долю котораго выпало сознательно пережить почти всѣ войны XIX вѣка.

VI. А. С. Пушкинъ.

Пушкинъ не могъ принять личнаго участія ни въ Отечественннй войнѣ, ни въ войнахъ за освобожденіе Европы, потому что въ эти годы сидѣлъ еще на ученической скамьѣ въ Царскосельскомъ лицейѣ; но онъ раздѣлялъ общее патріотическое воодушевленіе и завидовалъ тѣмъ, кто шелъ умирать за отечество и

мстить за пожаръ Москвы. Объ этомъ говорится въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, написанныхъ по совѣту наставниковъ и даже по заказу начальства; это чувство зависти засвидѣтельствовано поэтомъ и въ концѣ его жизни, въ стихотвореніи „19 октября 1836 года“, гдѣ говорится:

Со старшими мы братьями прощались
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шель мимо насъ...

Въ задачи лица входило приготовленіе юношей не только къ гражданской, но и къ военной службѣ, и поэтому передъ лицеистами возникалъ вопросъ о выборѣ профессіи по окончаніи курса. Пылкая натура и впечатлѣнія эпохи, когда, по выраженію Грибоѣдова, „кричали женщины ура и въ воздухъ чепчики бросали“, влекли юнаго поэта къ военному мундиру, а инстинктъ генія заставлялъ его отдавать предпочтеніе мирной, идиллической жизни. Отсюда постоянная смѣна воинственнаго и миролюбиваго настроенія въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина.

Въ первомъ посланіи къ Батюшкову онъ призываетъ его и Жуковскаго воспѣвать „кроваву брань и грозну смерть на ратномъ полѣ“. Въ посланіи къ Галичу онъ заявляетъ, что скоро покинетъ пріютъ дѣвственныхъ музъ и станетъ въ ряды „воюющихъ корнетовъ“. Изъ посланія къ Юдину мы узнаемъ, что видъ блестящаго гусара настраивалъ лиру Пушкина на самый воинственный ладъ и заставлялъ его уноситься воображеніемъ на поле битвы. А въ посланіи къ своему дядѣ В. Л. Пушкину, въ отвѣтъ на его указаніе:

Парады, карауль, ученье—
Все это оды не внушить,
А только сердце изсушить—

юный поэтъ не остановился даже передъ идеализаціей войны со всѣми ея ужасами. Онъ не находитъ ничего „прелестнѣй и живѣй войны, сраженій и пожаровъ, кровавыхъ и пустыхъ полей, бивака, рыцарскихъ ударовъ“. Для него нѣтъ ничего „завиднѣй бранныхъ дней не слишкомъ мудрыхъ усачей, но сердцемъ истинныхъ гусаровъ“, которые

Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что скука, страхъ,
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.

Но рядомъ съ подобнаго рода воинственными и даже кровожадными признаніями, напоминающими стихотворенія Дениса Давыдова, встрѣчаются заявленія какъ разъ противоположнаго характера. Во второмъ посланіи къ Батюшкову Пушкинъ отказывается воспѣвать „войны кровавый пиръ“; въ посланіи къ кн. Горчакову онъ высказываетъ желаніе, чтобы его сіятельный товарищъ по лицу не былъ увлеченъ жаждой славы „въ путь кровавый“. Относительно самого себя поэтъ неоднократно заявляетъ, что онъ любить праздность и покой среди сельской обстановки. Въ его стихотвореніи „Мечтатель“ (1815) мы находимъ такую строфу:

Пускай, ударя въ звучный щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавый,—

Прелестна сердцу тишина:
Нейду, нейду за славой.

„Я не герой,—признавался Пушкинъ въ слѣдующемъ году, въ стихотвореніи „Сонъ“,—по лаврамъ не тоскую, спокойствіемъ и нѣгой не торгую, не чудится мнѣ ночью грозный бой“.

Юный поэтъ выражалъ также желаніе, чтобы прелестная его сердцу тишина была общимъ достояніемъ людей. Онъ радовался, что послѣ низверженія Наполеона:

Утихла брань племень; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.

Вслѣдъ за Жуковскимъ онъ обращался къ императору Александру I съ призывомъ:

Излей предъ Янусомъ священну мира чашу
И, брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!

И въ 1816 году Пушкинъ писалъ: „Дай Богъ, чтобы во всей вселенной воскресли миръ и тишина“ („Желаніе“).

Хотя, покидая лицей и разставаясь со своими товарищами, Пушкинъ и заявилъ, что онъ равнодушенъ къ военной и гражданской службѣ и всему предпочитаетъ „мирный колпакъ“; но „гусарскія мечты“ продолжали по временамъ обуревать поэта съ прежней силой. Мечтою Пушкина, по словамъ Анненкова, было начать службу гусарскимъ офицеромъ, и въ коллегію иностранныхъ дѣлъ онъ поступилъ только потому, что его отецъ не имѣлъ средствъ для содержанія сына въ конной гвардіи. Но въ 1819 году Пушкинъ очень серьезно собирался надѣть военный мундиръ и отпра-

виться на войну. „Онъ не на шутку,—писаль А. И. Тургеневъ кн. Вяземскому,—собирается въ Тульчинъ, а оттуда въ Грузію, и бредитъ уже войною. Я имѣю надежду отправить его въ чужіе края, но онъ уже и слышать не хочетъ о мирной службѣ“.

Друзьямъ поэта удалось представить ему крайнюю прозаичность военной службы въ мирное время, и въ посланіи къ генералу А. Ѳ. Орлову онъ заявилъ, что „мундиръ и сабля—суеты“, что онъ смиряетъ свои „немирныя желанья“, но какъ только разразится война, онъ станетъ подъ знамена воинственныхъ дружинъ и будетъ рубиться „съ мечомъ и лирой боевой“.

„Немирныя желанья“ не помѣшали Пушкину въ „Русланъ и Людмилъ“ отнестись къ военной славѣ отрицательно и назвать ее „пустымъ и гибельнымъ призракомъ“; но, съ другой стороны, эти же самыя желанія вызвали одно изъ самыхъ воинственныхъ произведеній русской поэзіи:

Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей;
Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
Люблю войны кровавыя забавы,
И смерти мысль мила душѣ моей.
Во цвѣтъ лѣтъ свободы вѣрный воинъ,
Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полнаго веселья не вкушалъ
И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

Въ южной Россіи рассказы генерала Раевского, кавказскія впечатлѣнія и начавшееся возстаніе грековъ на первыхъ порахъ еще болѣе усилили то воинственное настроеніе, въ которомъ Пушкинъ оставилъ Петроградъ. Онъ съ восторгомъ привѣтствовалъ возстаніе Ипсиланти и, выражая желаніе остаться въ Бессарабіи, если Россія начнетъ войну съ Турціей, пред-

вкушалъ удовольствіе стать въ ряды освободителей Греціи.

Увижу кровь, увижу праздникъ мести,—говорить Пушкинъ въ стихотвореніи „Война“:

Засвищеть вкругъ меня губительный свинець!

И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній...

Но призывая Грецію къ возстанію

(Возстань, о Греція возстань!..)

Страна героевъ и боговъ,

Расторгни рабскія вериги!..)

и готовясь проливать кровь за ея свободу, Пушкинъ совершенно иначе относился къ черкесамъ, боровавшимся за свою дикую свободу съ Россіей. „Дикіе черкесы напуганы,—писаль онъ своему брату въ 1820 году,—древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои—излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизить насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ—и, можетъ быть, сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи“.

Придавая завоеванію Кавказа такое важное культурное и политическое значеніе, Пушкинъ заявилъ въ эпилогѣ „Кавказскаго плѣнника“ о своемъ намѣреніи

воспѣть русскихъ героевъ кавказскихъ войнъ. И если это намѣреніе осталось безъ исполненія, то, можетъ быть, только вслѣдствіе приведеннаго протеста кн. Вяземскаго.

Пушкинъ не только не воспѣлъ покорителей Кавказа, но въ слѣдующей своей поэмѣ, въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, назвалъ себя „поклонникомъ мира“, а въ одѣ „Наполеонъ“ рѣшительно осудилъ „зло воинственныхъ чудесъ“. Вслѣдствіи Пушкинъ далъ яркую картину Полтавской битвы и могъ находить „упоеніе въ бою“, потому что

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!

Но съ теченіемъ времени воинственное настроеніе величайшаго русскаго поэта все болѣе и болѣе идетъ на убыль.

Даже посѣщеніе Пушкинымъ закавказскаго театра войны въ 1829 году, вопреки ожиданіямъ современниковъ, очень мало отразилось въ его поэзии. Сдѣлавшись очевидцемъ „кровавыхъ забавъ“, онъ изобразилъ ихъ въ одномъ только стихотвореніи „Делибашъ“, но тогда же написалъ и стихотвореніе „Не плѣняйся бранной славой“. Позднѣе онъ съ негодованіемъ опровергалъ заявленіе одного француза, будто бы онъ, Пушкинъ, явился въ Малую Азію со специальною цѣлью воспѣвать подвиги своихъ войскъ. „Пріѣхать на войну,—говорится въ предисловіи къ „Путешествію въ Арзрумъ“,—съ тѣмъ, чтобы воспѣвать будущіе подвиги, было бы для меня... слишкомъ непристойно“.

Но миролюбіе Пушкина никогда не доходило до

отрицанія войны вообще. Онъ признавалъ необходимость войнъ оборонительныхъ, и потому всегда съ благоговѣніемъ относился къ „священной памяти двѣнадцатаго года“. Освободительныя войны также всегда вызывали его симпатіи, и онъ гордился тѣмъ, что рускіе своею кровью „искупили Европы вольность, честь и миръ“. А какъ относился Пушкинъ къ войнамъ завоевательнымъ, можно видѣть изъ его отзывовъ о величайшемъ завоевателѣ XIX вѣка. При жизни Наполеона Пушкинъ называлъ его бичомъ вселенной, злодѣемъ, губителемъ, тираномъ и т. п. именами. Умершій Наполеонъ въ его глазахъ—великій человекъ, помимо своего желанія указавшій русскому народу высокій жребій и завѣщавшій міру вѣчную свободу, но все-таки тиранъ, злодѣй („хладный кровопійца“), оставившій „кровавую память“ и справедливо вызвавшій ненависть народовъ и проклятіе племенъ.

Правда, Пушкинъ воспѣлъ героя Полтавы, но потому, что считалъ его завоевательныя войны „благодѣтельными и благотворными“. „Успѣхъ народнаго преобразования,—говорится въ одной замѣткѣ Пушкина,—былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы, и европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы“. Въ интересахъ культуры онъ считалъ необходимымъ и завоеваніе Кавказа, хотя дѣйствіе одного оружія въ концѣ своей жизни находилъ уже недостаточнымъ для достиженія этой цѣли. „Вліяніе роскоши,—говорится въ „Путешествіи въ Арзрумъ“,—можетъ благоприятствовать ихъ (черкесовъ) укрощенію; самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть, наконецъ, средство болѣе сильное, болѣе нрав-

ственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе евангелія“.

Воспѣлъ Пушкинъ и взятіе Варшавы въ 1831 году, потому что видѣлъ въ паденіи польской столицы историческую необходимость и неизбѣжный шагъ при разрѣшеніи исторической задачи Россіи—слияніе „славянскихъ ручьевъ“.

Но даже въ такомъ воинственно-патріотическомъ стихотвореніи, какъ „Клеветникамъ Россіи“, Пушкинъ, при всемъ своемъ восхищеніи русскимъ военнымъ могуществомъ, далекъ отъ мысли грозить Европѣ наступательной войной. Еще болѣе чести дѣлаетъ его благородному сердцу проповѣдь гуманнаго отношенія къ побѣжденному братскому народу въ „Бородинской годовщинѣ“.

Въ бореньѣ падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старья скрижали
Хранять въ преданяхъ нѣмыхъ;
Мы не сождемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Характерно для бывшаго поклонника военного мундира и неблагоклонное изображеніе военной среды, которое мы находимъ въ эпическихъ произведеніяхъ Пушкина. Если еще напомнить, что рекрутство Пушкинъ считалъ „тягчайшей изъ повинностей народныхъ“, то мы поймемъ, почему онъ признавалъ войну

„ужасной необходимостью“ ¹⁾ и почему онъ въ концѣ своей жизни вспоминалъ бесѣды съ Мицкевичемъ „о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся“ и не будутъ нуждаться для поддержанія мира въ стальной щетинѣ штыковъ.

VII. М. Ю. Лермонтовъ.

Лермонтовъ, съ его „мятежной“ душой, лучше Пушкина понималъ „упоение въ бою и бездны мрачной на краю“, и войнѣ въ его поэзіи удѣлено очень много вниманія. Уже съ перваго года своего писательства и съ первой своей поэмы „Черкесы“ Лермонтовъ сталъ изображать борьбу Россіи съ кавказскими горцами, и эта борьба проходитъ черезъ всю его поэзію. Симпатіи поэта далеко не всегда были на сторонѣ завоевателей и покорителей „суроваго края свободы“, и особеннаго желанія принимать участіе въ борьбѣ съ дикими горцами, отстаивавшими свою свободу, онъ въ юности не выражалъ. Но во время турецкой войны пятнадцатилѣтняго поэта тянуло въ „поля кровавой мести“, чтобы тамъ получить „вѣнокъ небренной славы“ („Война“ 1829 года). Тогда же онъ съ тоской вспоминалъ древнее „время боевъ на милой нашей сторонѣ“ и воспѣвалъ завоевательные походы Олега.

¹⁾ Это выраженіе приписывается Пушкину въ апокрифическихъ запискахъ А. О. Смирновой, но не противорѣчитъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ объ отношеніи Пушкина къ войнѣ.

Можетъ быть, въ это время юный Лермонтовъ самъ въ извѣстной степени переживалъ то воинственное настроеніе и тѣ кровожадныя чувства, которыми онъ надѣлилъ Юрія Палицына въ повѣсти „Вадимъ“. „Слава! вотъ его кумирь!.. Война!.. вотъ его наслажденіе... Походъ!—въ Турцію... О! какъ онъ упитаетъ кровью невѣрныхъ свою острую шпагу, какъ гордо онъ станетъ попирать разрубленныя, низверженныя чалмы поклонниковъ корана! Какъ счастливъ онъ будетъ, когда самъ Суворовъ ударитъ его по плечу и молвитъ: „молодецъ! хватъ! лучше меня!.. Помилуй Богъ!“... Какъ страстно онъ кидался въ шумную стычку, съ какимъ наслажденіемъ погружалъ свою шпагу во внутренность безобразнаго турка, который, выворотивъ глаза, съ судорожнымъ движеніемъ кусалъ и грызъ холодное желѣзо!“..

Революціонныя событія 1830 года также отразились въ поэзіи Лермонтова воинственными мотивами, но уже другого характера. Онъ выражалъ сочувствіе всѣмъ, кто поднималъ „знамя вольности кровавой“, будь это французы, кавказскіе горцы, русскія военныя поселенія, древніе новгородцы въ эпоху Рюрика или русскіе во время татарщины. Одно только польское возстаніе, насколько извѣстно, не нашло сочувственнаго отклика въ поэзіи Лермонтова. Можно даже думать, что онъ не прочь былъ принять участіе въ усмиреніи Польши, когда въ „Стансахъ“ 1831 года заявлялъ:

Я не могу на родинѣ томиться,
Прочь отсель, туда—въ кровавый бой!

По крайней мѣрѣ, Печоринъ, alter ego нашего поэта, на колѣняхъ выпрашиваетъ у матери позволеніе всту-

пить въ гусарскіи полкъ и храбро дерется съ поляками („Княгиня Лиговская“).

Очень рано сдѣлался Лермонтовъ и пѣвцомъ Отечественной войны: уже въ 1830 году онъ написалъ „Поле Бородина“, этотъ первоначальный набросокъ знаменитаго стихотворенія „Бородино“.

Сочувственное отношеніе къ войнамъ освободительнымъ и оборонительнымъ не мѣшало Лермонтову мечтать о завоеваніяхъ и воспѣвать завоевателей. Въ 1832 году онъ грезилъ о завоеваніи Россіей Востока и Запада и о созданіи новой всемірной монархіи. Не даромъ третья часть „Измаила-бея“ начинается такой строфой:

Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?
И гдѣ вельнью русскаго царя
Измѣна и вражда не покорялись?
Смирись, черкесь! и Западъ и Востокъ,
Быть можетъ, твой раздѣлятъ рокъ.
Настанетъ часть,—и скажешь самъ надменно:
«Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!»
Настанетъ часть, и новый, грозный Римъ
Украситъ Сѣверъ Августомъ другимъ!

Наполеонъ въ стихотвореніяхъ Лермонтова—не тиранъ и не Батый, а „дивный геній“ съ божественнымъ гласомъ, высокими думами, стоящій „выше и похвалъ, и славы, и людей“, заслуживающій удивленія и преклоненія, какъ орудіе высшей силы и воли. За исключеніемъ патріотическаго стихотворенія „Два великана“, поставившаго „русскаго витязя“ выше „трехнедѣльнаго удалца“, всѣ остальные пьесы Лермонтова, гдѣ говорится или упоминается о Наполеонѣ, начиная одой 1829 года и кончая „Воздушнымъ ко-

раблемъ“, проникнуты величайшимъ уваженіемъ къ этому „мужу рока“.

Вскорѣ послѣ вступленія въ военную школу, въ октябрѣ 1832 года, Лермонтовъ писалъ М. А. Лопухиной: „если начнется война, клянусь вамъ Богомъ, что я всегда буду впереди“. И когда судьба забросила нашего поэта на Кавказъ, онъ, несмотря на свои недавнія симпатіи къ горцамъ, дѣйствительно, всегда былъ впереди и обнаруживалъ безумную храбрость. бросаясь, напримѣръ, верхомъ на непріятельскіе завалы. „Я вошелъ во вкусъ войны,—писалъ онъ Лопухину,—и увѣренъ, что для человѣка, который привыкъ къ сильнымъ ощущеніямъ этого банка, мало найдется удовольствій, которыя бы не показались приторными“.

Лермонтовъ до такой степени вошелъ во вкусъ войны, что съ видимымъ удовольствіемъ сообщалъ Лопухину подробности боя подъ Валерикомъ. „Насъ было всего двѣ тысячи пѣхоты, а ихъ до 6-ти тысячъ; и все время (шесть часовъ) дрались штыками. У насъ убыло 30 офицеровъ и 300 рядовыхъ, а ихъ 600 тѣлъ осталось на мѣстѣ—кажется, хорошо! Вообрази себѣ, что въ оврагѣ, гдѣ была потѣха, часть послѣ дѣла еще пахло кровью“.

Но какъ ни любитъ Лермонтовъ „бури шумныя природы и бури тайныя страстей“, а также „тревоги дикія войны“, его „мятежная“ душа умѣла понимать и цѣнить покой и тишину. Даже въ знаменитомъ „Парусѣ“ (1832), какъ недавно указалъ акад. Овсяннико-Куликовскій, „буря“ является только средствомъ, а „покой“—цѣлью. Еще раньше, въ недавно найденномъ стихотвореніи 1830 года, Лермонтовъ заявилъ о себѣ,

что „онъ былъ рожденъ для мирныхъ вдохновеній“. И съ теченіемъ времени „бури“ въ душѣ и въ поэзіи Лермонтова все болѣе и болѣе уступали свое мѣсто жадѣ покоя и „мирнымъ желаньямъ“, а въ связи съ этимъ проявлялось и иное отношеніе къ войнѣ.

Уже въ 1831 году, въ поэмѣ „Ангель смерти“, можно усмотрѣть первый протестъ противъ войны. Зораимъ называется безумцемъ за то, что онъ „путь кровавый“ предпочелъ любви и мирной семейной жизни, а людямъ бросается упрекъ въ „оскверненіи“ природы войной.

Зачѣмъ?.. Властители вселенной,
Природу люди оскверняютъ.
Цвѣтокъ измятый обагрится
Ихъ кровью, и стрѣла промчится
На мѣсто птицы въ небесахъ,
И солнце отуманитъ прахъ.
Крикъ побѣдившихъ, стонъ сраженныхъ
Принудятъ мирныхъ соловьевъ
Искать въ предѣлахъ отдаленныхъ
Иныхъ долинъ, другихъ кустовъ,
Гдѣ красный день, какъ ночь, спокоенъ,
Гдѣ ихъ царицу, ихъ любовь,
Не стопчетъ розу мрачный воинъ
И обагрить не можетъ кровь.

И въ „Измаилѣ-беѣ“ рядомъ съ крайнимъ шовинизмомъ мы находимъ протестъ противъ кавказскихъ войнъ. „Славы нѣтъ въ войнѣ кровавой съ необразованной толпой“, говоритъ Измаилъ своему врагу, русскому офицеру. И послѣдній оправдываетъ свое участіе въ войнѣ не жадой славы и не государственными интересами Россіи, а желаніемъ отомстить Измаилу за обольщеніе невѣсты.

„Два страшныхъ года“, проведенныхъ Лермонто-

вымъ въ военномъ училищѣ, и затѣмъ служба въ гвардіи не только не усилили, а, напротивъ, значительно охладили его воинственно-патриотическій пылъ и увлеченіе войной. Не даромъ на первыхъ порахъ послѣ 1832 года онъ создаетъ рядъ поэмъ, гдѣ изображается только пьянство, картежная игра и любовныя похождения гусарскихъ и уланскихъ офицеровъ.

Личное участіе въ борьбѣ съ кавказскими горцами познакомило Лермонтова не только съ поэзіей, но и съ ужасами войны и заставило его не только воспѣть завоевателей Кавказа въ стихотвореніи „Споръ“, но и пожалѣть безвѣстныхъ кавказскихъ героевъ, а также ихъ отцовъ и матерей („Казачья колыбельная пѣсня“, „Завѣщаніе“). Самъ Лермонтовъ, какъ онъ ни увлекался „трагическимъ балетомъ“, мечталъ объ отставкѣ, чтобы покинуть „погибельный Кавказъ“ и отдаться литературной дѣятельности.

Въ 1840 году Лермонтовъ говорилъ Бѣлинскому о своемъ замыслѣ написать три романа, изображающіе послѣдовательно эпохи Екатерины II, Александра I и Николая I, а своему секунданту Глѣбову поэтъ сообщилъ, что второй романъ будетъ изображать борьбу съ Наполеономъ, третій же—кавказскія и за-кавказскія войны. Въ этихъ романахъ, если бы они были написаны, мы нашли бы наиболѣе полное выраженіе взглядовъ Лермонтова на войну. Теперь же объ отношеніи безвременно погибшаго поэта къ войнѣ, въ концѣ его жизни, мы можемъ судить, главнымъ образомъ, на основаніи стихотворенія „Валерикъ“, которое высоко цѣнится и за реальное изображеніе боя и за протестъ противъ войны или, по

крайней мѣрѣ, за горькое раздумье, выраженное въ знаменитыхъ стихахъ:

И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

„Небольшая поэма „Валерикъ“,—говоритъ Кропоткинъ въ своей книгѣ „Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ“—людьми, побывавшими въ сраженіяхъ, считается лучшимъ и наиболѣе точнымъ описаніемъ битвы, какое существуетъ въ поэзіи“. „Валерикъ“,—говорится въ статьѣ Мережковского „Поэтъ сверхчеловѣчества“,—первое во всемирной литературѣ проявленіе того особеннаго взгляда на войну, который такъ безконечно углубилъ Л. Толстой. Изъ этого горькаго зерна выросло исполинское дерево „Войны и мира“. И Леонидъ Семеновъ, авторъ недавно вышедшей книги „Лермонтовъ и Левъ Толстой“, имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, „Валерикъ“, когда заявляетъ, что, считая войну великимъ зломъ, „Лермонтовъ у насъ первый выступилъ съ пламеннымъ протестомъ противъ войны“.

Какъ можно видѣть изъ предыдущихъ страницъ, протестъ Лермонтова противъ войны не былъ первымъ по времени въ русской литературѣ, но, несомнѣнно, онъ былъ первымъ по силѣ, и вліяніе этого протеста на Толстого тѣмъ болѣе вѣроятно, что послѣдній цѣнилъ Лермонтова очень высоко и ставилъ его иногда выше даже Пушкина.

Не скрывая своихъ симпатій къ храбрымъ черкесамъ, отчаянно борющимся за свою дикую свободу,

Лермонтовъ, тѣмъ не менѣе, воспѣлъ завоевателей Кавказа и такимъ образомъ исполнилъ ту задачу, отъ которой въ свое время отказался Пушкинъ. Но еще раньше Лермонтова наши кавказскія войны нашли восторженнаго пѣвца въ лицѣ Полежаева, служившаго на Кавказѣ простымъ солдатомъ и принимавшаго участіе въ кровопролитныхъ схваткахъ съ горцами.

На основаніи личныхъ впечатлѣній Полежаевъ далъ намъ цѣлый рядъ необыкновенно яркихъ батальныхъ картинъ, заваленныхъ трупами и залитыхъ кровью, подобно полотнамъ Верещагина, при чемъ отношеніе поэта къ врагамъ совершенно иное, чѣмъ у Лермонтова. Черкесы въ глазахъ Полежаева—„звѣроподобный народъ“, „питомцы хищнаго разбоя“, защитники „разбойничьей свободы“, „неумолимые кровопійцы“ и т. д., тогда какъ русскіе—носители высшей культуры и охранители „закона“.

Объясняя и оправдывая завоеваніе Кавказа интересами высшей культуры, Полежаевъ изображалъ подвиги русскихъ солдатъ, казаковъ и генераловъ въ ультраромантическомъ освѣщеніи, не останавливаясь передъ самыми ужасными эпитетами и сравненіями. О Ермоловѣ, напримѣръ, Полежаевъ говоритъ въ поэмѣ „Чиръ-Юртъ“ (1832) въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, которыя за десять лѣтъ передъ тѣмъ вызвали такое негодованіе кн. Вяземскаго:

Ермоловъ, грозный великанъ
И трепеть буйнаго Кавказа!
Ты, какъ мертвящій ураганъ,
Какъ азиатская зараза,
Въ скалахъ злодѣевъ пролеталъ!

Самъ Полежаевъ, несомнѣнно, увлекался сраженіями и стычками, въ которыхъ онъ принималъ уча-

стіе. Его душѣ, столь же мятежной, какъ и душа Лермонтова, несомнѣнно, нравились бранныя тревоги и опасности. И судя по себѣ о другихъ, онъ ставилъ такіе вопросы:

Гдѣ тотъ, чью душу не волнуетъ
Войны и славы громкій гласъ?
Чье сердце втайнѣ не тоскуетъ,
Внимая воина разсказъ
О наслажденьяхъ жизни бранной,
Кровавыхъ сѣчахъ и бояхъ,
О вражьихъ пуляхъ и мечехъ,
О смерти, всюду имъ погранной?

Но въ той же самой поэмѣ („Чиръ-Юртъ“), гдѣ поставлены приведенные вопросы, Полежаевъ высказалъ и свое отрицательное отношеніе къ „войнѣ жестокой и кровавой“. Явная грусть слышится въ словахъ поэта:

Есть много странъ подъ небесами,
Но нѣтъ той счастливой страны,
Гдѣ-бъ люди жили не врагами,
Безъ права силы и войны.

А дальше война предается проклятю:

Да будетъ проклятъ нечестивый,
Извлекшій первый мечъ войны
На тѣ блаженныя страны,
Гдѣ жилъ народъ миролюбивый!

И заканчивается поэма мечтой автора о томъ блаженномъ времени, когда его „воинственная лира... забудетъ битвы и перунъ и воспоетъ отраду мира“.

VIII. Е. А. Баратынскій, А. С. Хомяковъ, Ф. П. Тютчевъ.

Подъ обаятельными впечатлѣніями послѣднихъ войнъ съ Наполеономъ выросъ, подобно Пушкину, и

Боратынскій, наиболѣе замѣчательный поэтъ пушкинской плеяды. Въ 1814 году онъ просилъ у матери позволенія оставить Пажескій корпусъ и поступить въ морскую службу. „Я не смогу служить въ гвардіи,—писалъ онъ при этомъ,—ее слишкомъ берегутъ: во время войны она ничего не дѣлаетъ и остается въ постыдной праздности“. Шестъ лѣтъ службы въ нижнихъ чинахъ (ради искупленія юношескаго преступленія, совершеннаго во время пребыванія въ корпусѣ) значительно охладили воинственный пылъ молодого поэта, и въ его стихотвореніяхъ, написанныхъ въ періодъ солдатской службы (1819—1825), воинственные мотивы ведутъ борьбу съ миролюбивыми стремленіями, за которыми въ концѣ-концовъ остается побѣда.

Въ однихъ стихотвореніяхъ поэтъ признается, что любить и красивые вахтпарады, и кавалерійскія атаки, и пушечную пальбу, „жужжанье пуль и звукъ мечей“, и военные рассказы и воспоминанія, особенно „повѣствованія славныхъ дней“ войны 1812 года, и все это заставляетъ его жаждалъ бранной славы и стремиться къ дикому веселью боя. Въ другихъ же пьесахъ Боратынскаго мы находимъ жалобы на тяжесть военной службы, мечты о возвращеніи въ родныя „мирныя дубравы“ и отрицательное отношеніе къ „безумной жадѣ славы“, достигаемой шумными побѣдами. Самого себя поэтъ называетъ „мирнымъ лѣнтяемъ“ съ „миролюбивымъ нравомъ“ и уже въ 1821 году въ стихотвореніи „Родина“ заявляетъ:

Я съ дѣтства полюбилъ сладчайше труды.
Прилежный, мирный плугъ, взрывающій бразды,
Почтеннѣе меча: полезный въ скромной долѣ,
Хочу воздѣлывать отеческое поле.

При первой возможности, послѣ полученія офицерскаго чина, Боратынскій оставилъ военную службу и окончательно превратился въ „мирнаго мечтателя“, живущаго въ „мирномъ наслѣдствѣ“, среди „отраднѣйшей тишины“, и посвящающаго отеческимъ богамъ „мирный ѳиміамъ“. Даже смерть онъ изображалъ не съ губящей косою, а съ „оливой мира“ въ рукѣ.

Правда, въ 1829 году Боратынскій воспѣлъ геройскую смерть генерала Багговута въ Тарутинскомъ сраженіи, и это единственное въ своемъ родѣ стихотвореніе поэта-мыслителя впоследствии поставило въ большое недоумѣніе редактора его сочиненій въ изданіи „Академическая бібліотека русскихъ писателей“. „Мы совершенно затрудняемся,—говоритъ онъ,—указать причины созданія „военнаго“ стихотворенія, чуждаго Е. А. Боратынскому“.

Во всѣхъ же остальныхъ стихотвореніяхъ Боратынскаго, если и упоминается о войнѣ, то для того только, чтобы объяснить пессимистическое настроеніе автора или осудить завоевателей въ родѣ Наполеона.

„Смутно слышу я порой,—говоритъ онъ въ стихотвореніи „Недоносокъ“,—

Кличъ враждующихъ народовъ,
Поселянъ безпечный вой
Подъ бичомъ ихъ переходовъ,
Громъ войны и крикъ страстей,
Плачь недужнаго младенца..
Слезы льются изъ очей,
Жаль земнаго поселенца!

Большимъ миролюбіемъ отличается и поэзія такихъ представителей пушкинской плеяды, какъ Веневитиновъ и Дельвигъ, которые даже въ ранней юно-

сти не стремились на войну и не воспѣвали кроваваго боя.

Кольцовъ, какъ извѣстно, развивался подѣ сильнымъ вліяніемъ Бѣлинскаго и его московскихъ друзей, а Бѣлинскій тридцатыхъ годовъ смотрѣлъ на войну глазами Шеллинга и Гегеля. Онъ видѣлъ во всей всемірной исторіи „движеніе вѣчной идеи“, „дыханіе жизни Божіей“. Въ частности война представлялась великому критику необходимымъ условіемъ для нравственнаго развитія народовъ, и онъ сравнивалъ ее съ бурей, очищающей воздухъ и оплодотворяющей землю животворнымъ дождемъ.

Не удивительно послѣ этого, что Кольцовъ въ своихъ „думахъ“ не особенно возмущается кровавыми страницами исторіи. „Райскія долины кровью обливались“, разрушенныя царства заросли травой,—говорится въ „Неразгаданной истинѣ“,—но являлись новыя племена, и начиналась новая жизнь. Напутствуя Бѣлинскаго при его отѣздѣ изъ Москвы въ Петроградъ, Кольцовъ заявилъ даже въ своемъ „Посланіи“:

И гдѣ война—тамъ дѣло
Великой жизни бытія!
Въ ея борьбѣ—паденіе смерти
И новой мысли торжество!

Вообще же въ поэзіи воронежскаго прасола преобладаютъ „мирныя думы“, мирныя радости и горести, и такія его произведенія, какъ посвященная кн. Вяземскому „Военная лѣсня“ 1840 года, вызываютъ не меньшее недоумѣніе, чѣмъ стихотвореніе Боратынскаго „Смерть Багговута“.

Преобладаніе миролюбивыхъ мотивовъ можно отмѣтить и въ поэзіи знаменитаго въ свое время Бе-

недиктова, получившаго военное воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ, служившаго офицеромъ въ гвардіи и принимавшаго участіе въ усмиреніи польскаго возстанія. Если до Крымской войны Бенедиктовъ могъ воспѣвать „бранную красавицу“, т.-е. саблю, могъ преклоняться передъ Наполеономъ и называть его „роковымъ хирургомъ“, вскрывшимъ тайныя язвы Европы („Ватерлоо“), могъ даже тщеславиться тѣмъ, что „землю давятъ русской славы семимильные шаги“; то неудачная война лучше, чѣмъ исторія Рима, показала поэту, какъ „непрочны всѣ мечи“, заставила его проповѣдовать, что сила не въ штуцерахъ, пушкахъ и крѣпостяхъ, а въ Божьей правдѣ („Къ Россіи“), и даже вызвала съ его стороны рѣзкій протестъ противъ „злыхъ молитвъ“ о побѣдахъ, которыя казались ему кощунствомъ въ устахъ послѣдователей религіи мира и любви. Таковы стихотворенія Бенедиктова „Воспоминаніе о Крымѣ“ и „Христіанскія мысли передъ битвами“, представляющія рѣзкій контрастъ съ господствовавшимъ въ то время вульгарно-патріотическимъ тономъ русской печати.

Послѣ войны Бенедиктовъ радовался, что въ Россіи подѣ вліяніемъ пораженія „внѣшняя брань перешла въ святія, крестовыя битвы съ домашнею гидрою зла“, и проповѣдовалъ борьбу для освобожденія не „пустого гроба“, а „живого Христа“. Въ концѣ своей жизни онъ при всякомъ случаѣ выступалъ съ протестомъ противъ войны и пѣлъ самыя восторженные гимны миру. Онъ возмущался всемірною исторіей и заставлялъ даже тигра радоваться, что онъ не чело-вѣкъ („Человѣчество“). Конечнымъ идеаломъ поэта

было сліяніе всего человѣчества въ одно „блаженное семейство“.

Большую воинственность проявили поэты или чисто-славянофильскаго или славянофильствующаго направленія. Такъ, Языковъ съ первыхъ же шаговъ своей литературной дѣятельности выступилъ пѣвцомъ „славянскихъ героев“ и, даже сдѣлавшись въ Дерптѣ „поэтомъ радости и хмеля“, не пересталъ славословить „родныхъ богатырей“. Не дѣлая различія между героями войнъ освободительныхъ, оборонительныхъ и завоевательныхъ, Языковъ съ одинаковымъ восторгомъ воспѣвалъ и Олега, и Святослава, и новгородцевъ, отразившихъ „темныя рати“ Андрея Боголюбскаго, и легендарнаго Евпатія, и Дмитрія Донскаго, и партизановъ 1812 года. Увлеченіе военными подвигами сдѣлало бурнопламеннаго поэта пѣвцомъ даже меченосцевъ, завоевателей Ливоніи, и заставило его видѣть въ этихъ хищникахъ „гордыхъ витязей свободы и войны“.

Воинственно-патріотическій пылъ Языкова не погасъ и послѣ его отъѣзда изъ Дерпта, и въ сороковыхъ годахъ, незадолго до смерти поэта, онъ проявился въ стихотвореніяхъ самаго задорнаго характера, направленныхъ противъ западниковъ и едва не вызвавшихъ дуэли между Кирѣевскимъ и Грановскимъ. Но, принимая участіе въ словесныхъ и литературныхъ войнахъ славянофиловъ и западниковъ, Языковъ въ концѣ своей жизни уже не былъ пѣвцомъ кровопролитныхъ подвиговъ въ прошломъ и, несмотря на дружбу и родство со славянофилами, не отразилъ въ своихъ стихотвореніяхъ ни тѣхъ мечтаній о завоеваніи Константинополя, ни тѣхъ надеждъ на объедине-

ніе славянъ, которыя мы находимъ въ поэзи Хомякова и Тютчева.

Хомяковъ уже въ ранней молодости пылалъ воинственнымъ жаромъ и пытался даже тайкомъ убѣжать въ Грецію, чтобы сражаться за ея свободу съ турками. „О, други!—говоритъ семнадцатилѣтній поэтъ въ „Посланиі къ Веневитиновымъ“—

... Какъ мой духъ пылаетъ бранной славой:
Я сердцемъ и душой среди войны кровавой!
Свирѣпыхъ варваровъ непримиримый врагъ,
Я мыслю съ греками, сражаюсь въ ихъ рядахъ...

Русско-турецкая война 1828—1829 годовъ, въ которой Хомяковъ принималъ участіе въ качествѣ кавалерійскаго офицера, хотя избѣгалъ проливать кровь враговъ,—также отразилась въ его поэзи очень воинственными стихотвореніями. Въ одномъ изъ нихъ поэтъ заявляетъ, что ему „противна дремота нѣги праздной и мирныхъ дней безжизненный покой“, и проситъ, чтобы ему позволили скорѣе ринуться въ кровавый бой, гдѣ бы онъ могъ „съ улыбкой презрѣнья на жизнь, на смерть и на судьбу взирать“ („Просьба“).

Польское возстаніе заставило Хомякова предать проклятію эту братоубійственную войну въ стихотвореніи „Ода“, но Крымскую войну онъ встрѣтилъ съ восторженной надеждой, что настанетъ „новый вѣкъ чудесъ“—освобожденіе славянскихъ народовъ и союзъ ихъ подъ главенствомъ Россіи. Въ его глазахъ это была священная война, возложенная на Россію Провидѣніемъ. „Русскій народъ,—говоритъ онъ въ „Письмѣ къ пріятелю-иностранцу передъ началомъ Восточной войны“,—вовсе не помышляетъ о завоеваніяхъ;

въ завоеваніи не было для него никогда ничего соблазнительнаго. Русскій народъ вовсе не помышляетъ о славѣ: этимъ чувствомъ никогда не загоралось его сердце. Онъ помышляетъ о своемъ долгѣ, онъ помышляетъ о священной войнѣ... Не земли отдаленныя завоевывать посылаетъ насъ Богъ... но двигаетъ насъ на спасеніе братій... Война,—преступная въ первомъ случаѣ,—становится священной во второмъ... Кровь человѣческая драгоцѣнна, война ужасна; но Божіи рѣшенія неисповѣдимы, и долгъ долженъ быть свершенъ, какъ бы тяжелъ онъ ни былъ“.

Уже въ 1853 году Хомяковъ обратился къ славянамъ съ призывомъ возстать противъ турокъ и нѣмцевъ:

Вставайте, славянскіе братья,
Болгаринъ, и сербъ, и хорватъ!
Скорѣ другъ къ другу въ объятья,
Скорѣй за отцовскій булатъ!

И въ уста возставшимъ влагаются такія слова:

Мы вольны, мы къ битвѣ готовы,
И подвигъ нашъ честенъ и святъ:
Намъ Богъ разрываетъ оковы,
Намъ Богъ закаляетъ булатъ!

Въ слѣдующемъ году, когда, къ величайшему негодованію поэта, англичане и французы взяли „подъ свою защиту, хотя бы и временную, самое гнусное тиранство надъ беззащитными жертвами“, появилось знаменитое стихотвореніе „Россіи“ съ призывомъ очиститься отъ всѣхъ внутреннихъ „мерзостей“ и броситься въ бой за братьевъ-славянъ:

Тебя призывалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,

Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, дикихъ силъ.
Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ...
И бросься въ пыль кровавыхъ сѣчь!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—то Божій мечъ!

Неудачи русскаго оружія въ Крыму сильно волновали Хомякова и мѣшали его обычнымъ занятіямъ. „Легче, сто разъ легче быть на мѣстѣ“, писалъ онъ Юрію Самарину. Прекрасно понимая, что насъ побѣждаетъ не сила и не храбрость враговъ, а превосходство ихъ оружія, Хомяковъ думалъ хоть отчасти помочь этому горю изобрѣтеннымъ имъ особой конструкціи ружьемъ, о которомъ подробно говорится въ его письмахъ 1855 года.

Будучи глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, Хомяковъ не усматривалъ противорѣчія между ученіемъ Христа и войной ради освобожденія братьевъ по крови и духу, но особенныхъ надеждъ на силу меча въ разрѣшеніи политическихъ вопросовъ онъ не возлагалъ не только послѣ неудачной Крымской войны, но и раньше. Еще въ 1839 году онъ заявлялъ, что Россія,

Земля несокрушимой стали,
Полмира взявшая мечомъ,

не должна гордиться своей военной мощью, что настоящая ея сила—въ смиреніи, и что за это смиреніе наше отечество предназначено Богомъ для того, чтобы „хранить племень святое братство“ и, объединивъ всѣ народы не мечомъ, а любовью, показать имъ „сіянье вѣры“ и „таинство свободы“ („Россіи“).

И годомъ позже, въ стихотвореніи „На перенесеніе Наполеонова праха“, Хомяковъ заявилъ:

И не мечъ, не штыкъ трехгранный,
А въ вѣнцѣ полномочныхъ звѣздъ
Усмиритель бури бранный—
Наша сила, русскій крестъ!

„Я увѣренъ,—писалъ Хомяковъ Максимовичу въ 1839 году,—что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ“. И эти слова можно признать основнымъ взглядомъ знаменитаго славянофила въ области интересующаго насъ вопроса.

Тютчевъ въ противоположность Хомякову, своему сверстнику и единомышленнику, въ юности былъ настроенъ очень миролюбиво. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать на основаніи его студенческаго стихотворенія „Уранія“, прочитаннаго 6 іюля 1820 года на торжественномъ собраніи московскаго университета. Перечисляя „спасителей смертныхъ, создателей блага“, семнадцатилѣтній поэтъ прежде всего называетъ „вѣчно-юный Миръ, связавшій златыми цѣпями семейства, народы, царей“. Императоръ Александръ I въ этомъ стихотвореніи прославляется за то, что при немъ „закрылись Януса врата“, что онъ „оградилъ насъ тишиною“.

Но русско-турецкая война, а затѣмъ польское возстаніе заставили Тютчева написать такія воинственныя стихотворенія, какъ „Олеговъ щитъ“ и „На взятіе Варшавы“. Съ этого времени онъ все болѣе и болѣе опредѣленно выражаетъ въ своихъ политическихъ стихотвореніяхъ идеи и чаянія панславизма и не видитъ другого средства для ихъ осуществленія, кромѣ войны. Еще до Крымской кампаніи онъ при-

зывать императора Николая I завоевать Константинополь и сдѣлаться „всеславянскимъ царемъ“.

Въ своихъ политическихъ замѣткахъ Тютчевъ шель еще дальше: онъ мечталъ о греко-славянской имперіи, которая должна была поглотить Австрію, подчинить своему вліянію Италію и Германію и сдѣлаться своего рода всемірной монархіей, послѣдней и вѣчной, согласно пророчеству Даниила. Эти мечты и надежды нашли отраженіе и въ стихотвореніи Тютчева „Русская географія“, которое заканчивается такими строками:

Отъ Нила до Невы, отъ Эльбы до Китая—
Отъ Волги по Евфратъ, отъ Ганга до Дуная...
Вотъ царство русское... и не пройдетъ вовекъ,
Какъ то провидѣль Духъ и Даниилъ предрекъ.

На Крымскую войну Тютчевъ возлагалъ самыя блестящія надежды; онъ ждалъ отъ нея осуществленія самыхъ завѣтныхъ своихъ мечтаній. Эта „вторая Пуническая война Запада съ Россіей“ (первая была въ 1812 году), по его мнѣнію, должна была „перемолоть и преобразовать міръ“. Борьба эта займетъ всю вторую половину XIX вѣка и окончится побѣдой Россіи, ея распространеніемъ и преобразованіемъ. „И то не будетъ уже имперія,—писалъ Тютчевъ Чаадаеву,—то будетъ особый міръ“.

Легко представить тѣ чувства скорби, негодованія и унынія, которыя наполнили сердце Тютчева, когда военное могущество Россіи оказалось не на высотѣ ея историческихъ задачъ, какъ понималъ ихъ поэтъ. Можетъ быть, ни для кого въ Россіи паденіе Севастополя не было такимъ страшнымъ ударомъ, какъ для Тютчева. Не даромъ въ его письмахъ къ женѣ

говорится о „страшномъ, подавляющемъ, какъ громъ низвергающемъ впечатлѣніи отъ севастопольской катастрофы“.

Неудачный исходъ войны сократилъ размахъ политическихъ фантазіи Тютчева, но до конца своей жизни онъ не переставалъ мечтать о томъ, чтобы славянское „опально-міровое племя“ объединилось въ одинъ народъ и чтобы русскій царь, освободившій крестьянъ въ Россіи, освободилъ и славянъ отъ турецкаго и нѣмецкаго ига („Славянамъ“ 1867 г.). Какими средствами совершить это великое дѣло, поэтъ не говоритъ, но на силу оружія онъ не возлагалъ прежнихъ надеждъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ. Не даромъ онъ такъ радовался дипломатическимъ побѣдамъ Горчакова, заявляя при этомъ: „счастливъ въ нашъ вѣкъ, кому побѣда далась не кровью, а умомъ“. Не даромъ на знаменитое заявленіе Бисмарка, что объединеніе Германіи совершится желѣзомъ и кровью, Тютчевъ отвѣтилъ стихотвореніемъ „Два единства“, гдѣ предложилъ славянскій міръ „спаять любовью“. Даже послѣ франко-прусской войны 1870 года онъ считалъ преждевременнымъ открытое выступленіе Россіи въ пользу славянъ.

IX. Лирики 2-й половины XIX в.

Восточная война 1853—1855 годовъ отразилась и въ творествѣ русскихъ поэтовъ второй половины XIX вѣка, хотя личное ихъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ было ничтожно. Кромѣ Восточной войны поэты этого поколѣнія пережили франко-прусскую войну, а нѣкоторые изъ нихъ и русско-турецкую войну

1877—1878 годовъ. И почти всѣ они откликнулись на пережитыя ими военныя событія.

Некрасовъ, какъ видно изъ его писемъ къ Тургеневу, жадно слѣдилъ за ходомъ войны въ Крыму и лѣтомъ 1855 года, несмотря на свое „гнусное“ здорovie, самымъ серьезнымъ образомъ собирался ѣхать въ Севастополь, чтобы собственными глазами видѣть проявленія народнаго героизма. Поэту не удалось быть очевидцемъ севастопольской обороны, но это обстоятельство не помѣшало ему изобразить ея ужасы и воспѣть страданія и героизмъ русскаго народа во время несчастной войны. Кому неизвѣстно знаменитое стихотвореніе „Тишина“ съ знаменитымъ четырехстишіемъ:

Народъ-герой! въ борьбѣ суровой
Ты не шатнулся до конца,
Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца!

Особенно сильно трогали гуманное сердце поэта страданія женской половины челоѳчества и прежде всего „святыя, искреннія слезы бѣдныхъ матерей“, которымъ „не забыть своихъ дѣтей, погибшихъ на кровавой нивѣ, какъ не поднять плакучей ивѣ своихъ поникнувшихъ вѣтвей“. И четверть вѣка спустя, во время второй турецкой войны, умирающій поэтъ коснѣющей рукой набросалъ стихотвореніе „Осень“, въ которомъ также напомнилъ о страданіяхъ народа и въ особенности женщинъ: „нѣтъ конца печали женской“.

И войны за предѣлами Россіи причиняли Некрасову страшныя страданія, какъ это мы можемъ видѣть изъ его стихотворенія „Страшный годъ“, вызваннаго франко-прусской войной.

Страшный годъ! Газетное витійство
И рѣзня, проклятая рѣзня!
Впечатлѣнья крови и убійства,
Вы въ конецъ измучили меня!
О, любовь!—гдѣ всѣ твои усилія?
Разумъ!—гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Жадный пиръ злодѣйства и насилія,
Торжество картечи и штыковъ!
Этотъ годъ готовить и для внуковъ
Сѣмена раздора и войны.
Въ мѣрѣ нѣтъ святыхъ и кроткихъ звуковъ,
Нѣтъ любви, свободы, тишины! и т. д.

Вообще въ поэзіи Некрасова нашли мѣсто только отрицательныя стороны войны, только „ужасы войны“, а также ужасы прежней, дореформенной, военной службы. Такія стихотворенія, какъ „Орина, мать солдатская“, и отдѣльные эпизоды въ поэмахъ „Дѣдушка“ и „Кому на Руси жить хорошо“, даютъ Некрасову право называться пѣвцомъ не только народнаго, но, въ частности, и солдатскаго горя.

Но какъ ни сильно было отвращеніе Некрасова къ „впечатлѣнностямъ крови и убійства“, какъ ни раздирали его сердце страданія народа на войнѣ и отъ войны, поэтъ признавалъ необходимость и святость войны, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда „исконные, кровавые враги, соединясь, идутъ противъ Россіи“. Нисколько поэтому не удивительно, что надвигавшаяся война съ Турціей отразилась въ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо“ патріотической пѣсенкой Гриши, изображающей силу и настроеніе русскаго народа въ дни тяжелыхъ военныхъ испытаній.

Битву кровавую
Съ сильной державою

Царь замышлялъ.
— Хватить ли силушки?
Хватить ли золота?
Думаль, гадалъ.

.
Рать подымается—
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая!
Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!

Не менѣ миролюбивымъ поэтомъ былъ и Полонскій. Въ стихотвореніяхъ, написанныхъ имъ во время шестилѣтняго пребыванія на Кавказѣ, только мимоходомъ упоминается о борьбѣ съ Шамилемъ; зато прославляются блага мира, принесенныя русскимъ владычествомъ въ Закавказье („Имеретинъ“, „Заступница“). Радостно встрѣтивши зарю грядущаго дня послѣ севастопольской грозы, преклоняясь только передъ „вѣчными побѣдами“ науки, Полонскій выражалъ надежду, что не всегда духъ вражды и разединенія будетъ держать міръ въ невѣжествѣ и злѣ, что народы рано или поздно образумятся, обнимутся какъ братья, и будутъ мирно раздѣлять плоды своихъ трудовъ. Что „побѣда мысли смертнымъ путь укажетъ къ торжеству, отрадному для всѣхъ“,—къ торжеству мира и братской любви, въ этомъ убѣждалъ поэта, между прочимъ, юбилей Шиллера, торжественно отпразднованный всей Европой въ 1862 году (см. стихотворенія: „На кораблѣ“, „Сумасшедшій“, „Юбилей Шиллера“).

Франко-Прусская война нанесла тяжелый удар оптимизму Полонскаго и его вѣрѣ въ побѣды науки и мысли. Въ началѣ войны его кроткая и гуманная муза не знала, кому желать побѣды, за кого болѣе страдать; она могла только мучительно чувствовать свое безсиліе и проливать горькія и бесполезныя слезы („Жалобы музы“). Но когда побѣда явно склонилась на сторону Германіи и ея войска осадили Парижъ, Полонскій обратился къ нѣмецкому народу съ призывомъ „Вложи свой мечъ“.

Онъ съ горечью признавалъ, что благороднѣйшіе нѣмецкіе умы развили отрицательное отношеніе къ войнѣ въ русской интеллигенціи, но не помѣшали развиту юности въ нѣмецкомъ юношествѣ самаго грубаго шовинизма.

Все измѣнилось!—Юноши твои
Уже не жаждутъ міровой любви,
Искусство ихъ—военное искусство...
(Наука съ увлеченьемъ пушки льетъ...)
И тотъ лишь у тебя великій патріотъ,
Кто, изъ презрительнаго чувства
Къ другимъ народамъ,—говорить,
Что самъ Господь тебѣ велитъ
Востокъ и Западъ онѣмечить!

Призывая нѣмцевъ пощадить Парижъ и какъ можно скорѣе поставить предѣлъ злу войны, Полонскій въ противномъ случаѣ грозилъ имъ Немезидой исторіи:

О, просвѣщеннѣйшій народъ!
О, нашъ великій просвѣтитель!
Знай, если Франція падетъ,—
Съ ея могилы встанетъ мститель.

Но, гнушаясь „варварскою славой надъ пепломъ городовъ, среди кровавыхъ тѣлъ“, содрогаясь передъ

военными трофеями—„символами печали, тоски и ужасов“, мечтая о томъ счастливомъ будущемъ, „когда исчезнетъ рознь религій, расъ, племенъ, идей и націй“, когда побѣды будетъ одерживать одна святая сила—истина, Полонскій въ то же время, подобно Некрасову, признавалъ необходимость и святость не только войны оборонительной, но и освободительной. Онъ гордился тѣмъ, что Россія помогла Европѣ освободиться отъ Наполеона, а грекамъ и славянамъ отъ турокъ, и не считалъ освободительную миссию русскаго народа законченной.

Не даромъ война 1877—1878 годовъ вызвала цѣлый рядъ патріотическихъ стихотвореній Полонскаго и заставила обремененнаго годами поэта жалѣть, что онъ только въ грезахъ можетъ улетать на Балканы, сражаться тамъ за будущность славянства и мстить „за младенцевъ разможенныхъ, за матерей непощаженныхъ, за изнасилованныхъ женъ“ („Грезы“).

Въ концѣ своей жизни Полонскій выступилъ противъ разорительнаго милитаризма въ стихотвореніи „Живая статуя“, гдѣ „Европа на пути къ двадцатому столѣтью“ представлена въ видѣ женщины, опирающейся на отточенный и обнаженный мечъ и согнувшейся подъ страшной ношей изъ стальныхъ плитъ, изъ ружей и мѣшковъ съ патронами, изъ пушекъ и кулей съ бомбами. Но въ то же время онъ утѣшалъ себя надеждой, что не толстовская проповѣдь непротивленія злу, а именно „ужасы будущей войны“ обезпечатъ человѣчеству миръ.

Что касается толстовскаго ученія, то, опровергая его въ особой брошюрѣ, Полонскій ссылался на слова Христа: „нѣтъ больше той любви, какъ если кто по-

ложить душу свою за друзей своих“—и доказывалъ, что человекъ можетъ не бороться за себя, „но за другихъ, а тѣмъ паче за родину—обязанъ“, что „убивать, жертвуя своею собственною жизнью за миллионы людей, оставшихся назади,—доблесть“. Въ полемикѣ съ Толстымъ Полонскій доходилъ до того, что готовъ былъ признать войну провиденціальнымъ зломъ, проявленіемъ бессознательнаго расчета природы, устраняющей перенаселеніе земли,—расчета, „начало котораго кроется въ сознательной, разумной волѣ Творца и Зиждителя“. „Не будь войнъ съ 1800 года и до сего дня,—говоритъ Полонскій,—въ одной Европѣ не хватило бы ни мѣста, ни работы, ни денегъ, ни хлѣба для лишнихъ 60 или 100 миллионѣвъ людей, народившихся въ продолженіе четырехъ или пяти поколѣній отъ тѣхъ, которыхъ не стало по милости войнъ“ („Замѣтки по поводу одного заграничнаго изданія и новыхъ идей графа Л. Н. Толстого“).

Будущность славянства вдохновляла и гр. А. К. Толстого, который въ началѣ Крымской войны напечаталъ въ „Современникѣ“ панславистскія стихотворенія „Колокольчики“ и „Ой, стоги, стоги“. Онъ много, хотя безуспѣшно, хлопоталъ объ организаціи партизанской войны на Балтійскомъ морѣ и побережьѣ, а послѣ смерти императора Николая I перечислился изъ статскихъ совѣтниковъ въ майоры и поступилъ въ стрѣлковый полкъ Императорской фамиліи. Въ военной службѣ и въ военной жизни гр. Толстой не нашелъ ничего привлекательнаго. „Военная жизнь,—писалъ онъ своей будущей женѣ,—не по мнѣ. Когда война кончится, я постараюсь сдѣлаться тѣмъ, къ чему я все стремился, т. е. художникомъ“. Но онъ счи-

таль своимъ долгомъ оставаться въ рядахъ войска до почетнаго окончанія войны и въ преждевременномъ заключеніи мира видѣлъ „большое несчастье для всѣхъ“.

Выведенный изъ строя тифомъ, прежде чѣмъ удалось дойти до врага, гр. Толстой заплатилъ дань патриотизму, кромѣ здоровья, еще нѣсколькими воинственными пѣснями, которыя распѣвались солдатами и офицерами; но пѣвцомъ севастопольской обороны онъ не сдѣлался, хотя изобразилъ не мало кровавыхъ битвъ и сраженій далекаго прошлаго. И въ будущемъ онъ не ожидалъ прекращенія кровопролитныхъ столкновеній между народами. Сама „правда“ представлялась ему источникомъ вѣчной кровавой борьбы. Только въ концѣ своей жизни поэтъ призналъ несомнѣстимость войны и „правды“, когда устами князя Владимира, завоевавшего новую вѣру мечомъ и просвѣтленнаго христіанскимъ ученіемъ, онъ заявилъ намъ:

Дни правды дороже воинственныхъ дней!

Самымъ воинственнымъ русскимъ поэтомъ второй половины XIX вѣка, безспорно, надо признать Аполлона Майкова. Придавая величайшее значеніе начавшейся въ 1853 году войнѣ, возлагая на нее такія же обширныя надежды, какъ Хомяковъ и Тютчевъ, Майковъ считалъ необходимымъ, чтобы всѣ русскіе люди слились въ святомъ чувствѣ любви къ отечеству, и самъ явился выразителемъ тогдашняго воинственнаго патриотизма въ цѣломъ рядѣ лирическихъ и эпическихъ стихотвореній, часть которыхъ вошла въ сборникъ „1854 годъ“.

Въ этой войнѣ Майковъ видѣлъ „новыхъ дней зарю“ и радовался, что теперь его стихъ будетъ не

праздной забавой, а мечомъ, который „блеснетъ за Русь“ вмѣстѣ съ мечами воиновъ. Въ глазахъ Майкова это была „священная война во славу имени Христа“ и для осуществленія завѣтной мечты о „христіанской Византіи“. Союзъ Англіи и Франціи съ Турціей казался поэту неестественнымъ и непонятнымъ. Вѣдь мы, русскіе, говорить онъ въ „Клермонтскомъ соборѣ“, „крестоносцы отъ начала“, защищавшіе Европу отъ азіатскихъ полчищъ и теперь желающіе освободить отъ мусульманскаго ига Константинополь, какъ западно-европейскіе крестоносцы желали освободить Іерусалимъ.

И русско-турецкая война 1877—1878 годовъ для Майкова была священная война, и въ это время онъ желалъ не только освобожденія православныхъ славянъ, но и завоеванія Константинополя. Вдохновляли Майкова и прежнія войны Россіи, особенно Отечественная война, а также борьба грековъ и славянъ съ ихъ вѣковыми поработителями.

Относясь съ живѣйшимъ интересомъ къ оборонительнымъ и освободительнымъ войнамъ, считая войну средствомъ для разрѣшенія восточнаго вопроса, обращаясь къ Россіи даже въ 1870 году съ призывомъ: „по мѣстамъ, по мѣстамъ!.. ибо часъ настаетъ, настаетъ!“—Майковъ все же не былъ поклонникомъ войны вообще. Правда, онъ признавалъ и положительныя стороны войны. Въ 1854 году онъ видѣлъ въ войнѣ „кровавую купель“, которая смываетъ съ народовъ „ярмо грѣховное“ и возрождаетъ ихъ къ новой жизни („Молитва“). Онъ находилъ, что во время войны проявляются лучшія стороны русскаго народа. „Подъ бранной лишь грозою становишься ты, Русь;

сама собою!“ говоритъ онъ въ повѣсти „Княжна“. Въ юношескомъ стихотвореніи Майкова „Пери и Азраиль“ мы находимъ даже своего рода апологию войны.

Но въ стихотвореніяхъ Майкова имѣются и заявленія противоположнаго характера. Еще въ 1840 году онъ сдѣлалъ славянофильское заявленіе, что providенціальное назначеніе русскаго народа „міръ, облитый кровью, міръ дикой силы и оковъ преобразитъ любовью и снятъ цѣпи съ рабовъ“ („Іафеть“). И сорокъ лѣтъ спустя Майковъ назвалъ Россію „святой богоносицей“, которая ведетъ за собой міръ

Въ свѣтъ—къ свободѣ безконечной
Изъ-подъ рабства суеты—
На исканье правды вѣчной
И душевной красоты.

[«Завѣтъ старины»].

Вообще мирныя побѣды и завоеванія Майковъ считалъ самыми благородными и прочными.

Почти совсѣмъ не отразилась война въ поэзии Фета, несмотря на то, что онъ болѣе десяти лѣтъ служилъ въ конной гвардіи и во время Крымской войны принималъ участіе въ охранѣ эстляндскаго побережья. Какъ относился Фетъ къ войнѣ, объ этомъ можно только догадываться на основаніи написаннаго имъ въ старости стихотворенія „Севастопольское братское кладбище“, гдѣ съ величайшимъ благоговѣніемъ говорится о павшихъ защитникахъ родины.

Изъ каменныхъ гробовъ ихъ голосъ вѣчно слышенъ:
Имъ внуковъ поучать навѣки суждено,
Ихъ слава такъ чиста, ихъ жребіи такъ возвышенъ,
Что имъ завидовать грѣшно.

Среди менѣе знаменитыхъ поэтовъ второй половины XIX вѣка также преобладали пѣвцы мира и

любви, признававшие только безкровныя побѣды надъ неправдой и зломъ и выступавшіе съ болѣе или менѣе сильными протестами противъ войны. Такъ, напримеръ, Огаревъ въ концѣ своей жизни возмущался и негодовалъ, что

Нашъ нескончаемый прогрессъ,
И потому недостижимый,
Похожъ на путь чрезъ длинный лѣсъ.
Безвыходный, неизмѣримый,
Разбоя полный и чудесь,
Гдѣ звѣрь большой, несокрушимый,
Подъ пѣсню старыхъ, глупыхъ словъ,
На бойню шлетъ простыхъ скотовъ.

[«Юморъ», часть III].

„Война и кровь!—говорится дальше въ томъ же произведеніи:—Такъ вотъ предѣлъ, гдѣ стали мы съ образованьемъ... Война и кровь!.. Вотъ нашъ привалъ“. И подѣ впечатлѣніемъ торжества грубой прусской силы поэтъ умеръ съ безотрадно грустнымъ сознаниемъ, что „много лѣтъ или вѣковъ въ рѣзні безумной еще пройдутъ“.

Такое же недовольство нравственнымъ прогрессомъ и такой же протестъ противъ господства права кулака неоднократно выражалъ въ своихъ стихотвореніяхъ и Жемчужниковъ.

Плещеевъ, который въ сороковыхъ годахъ звалъ своихъ друзей „впередъ безъ страха и сомнѣнья на подвигъ доблестный“ и даже на „кровавую борьбу“, во время Крымской войны написалъ одно изъ самыхъ миролюбивыхъ и гуманныхъ произведеній русской лирики—„Послѣ чтенія газетъ“.

Мнѣ тяжело читать кровавыя страницы,
Что намъ о племенныхъ раздорахъ говорить,

Какъ тяжело смотрѣть на сумрачныя лица
Семьи, гдѣ издавна господствуетъ разладъ.
Отчизну я люблю глубоко и желаю
Всей полнотою души цвѣсти и крѣпнуть ей,
Но къ племенамъ чужимъ вражды я не питаю,
Ей мѣста нѣтъ въ душѣ незлобивой моей.
Разказъ о подвигахъ на полѣ грозной битвы
Восторгомъ пламеннымъ мнѣ не волнуетъ кровь;
И къ небесамъ я шлю горячія молитвы,
Чтобъ низошла въ сердца озлобленныхъ любовь,
Чтобъ миновали дни тревогъ, ожесточенья,
Чтобъ, позабывъ вражду и ненависть свою,
Покорные Христа высокому ученью,
Всѣ племена слились въ единую семью! ¹⁾

И Щербина въ стихотвореніи „Битва“ изображение военныхъ ужасовъ, навѣянное севастопольской обороной, заканчиваетъ такой надеждой:

Мысли громъ и мечъ труда и знанья
Покорятъ намъ счастье земное
И въ прахъ низложатъ всѣ страданья
Въ безпечальномъ и безкровномъ боѣ.

Даже Никитинъ, проявившій въ эпоху Крымской войны не меньшій шовинизмъ, чѣмъ Майковъ, и признавшій удѣломъ нашего отечества „величье кровью покупать“, въ то же время называлъ Россію „миролюбивой“ и видѣлъ ея символъ въ Ильѣ Муромцѣ, который не любилъ хвастаться своей силою, не напрашивался на брань

¹⁾ Гуманныя чувства, выраженные въ этомъ стихотвореніи, не помѣшали Плещееву, отданному въ солдаты по дѣлу Петрашевскаго, охотно принимать участіе въ походахъ и экспедиціяхъ противъ кокандцевъ и даже выражать желаніе „побить этихъ подлецовъ“ за ихъ грабежи и нападенія на преданныхъ Россіи киргизовъ. „Цѣль похода—писаль онъ полковнику Дандевилю—была благородна—защита угнетенныхъ, а ничто такъ не воодушевляетъ, какъ благородная цѣль“ („Минувше Годы“ 1908 г., № 10).

и прибѣгалъ къ оружію только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

Къ числу миролюбивѣйшихъ русскихъ поэтовъ принадлежитъ и столь популярный среди молодежи Надсонъ, несмотря на то, что онъ получилъ военное образование и носилъ офицерскій мундиръ. Во всей своей поэзии онъ оставался вѣренъ заявленію, сдѣланному въ стихотвореніи „Грезы“:

Я сталъ пѣвцомъ труда, познанья и скорбей...

Побѣдъ и громкихъ дѣлъ я въ пѣсняхъ не пою.

Отвращеніе Надсона къ войнѣ съ особенною силою выразилось въ стихотвореніи „Изъ тьмы временъ“, гдѣ Александръ Македонскій называется безумцемъ, и гдѣ мы находимъ такія высоко гуманныя строки:

Герои древности, съ торжественной ихъ славой,

Отзывныхъ струнъ души во мнѣ не шевелятъ:

По тяжкимъ ихъ стопамъ дорогою кровавой

Вступали въ миръ вражда, насилье и развратъ...

За грознымъ шествіемъ побѣдной колесницы,

За радужнымъ дождемъ привѣтственныхъ цвѣтовъ,

Мнѣ стоны слышатся изъ длинной вереницы

Угрюмыхъ, трепетныхъ, окованныхъ рабовъ;

Мнѣ видятся поля съ сожженными хлѣбами,

Позоръ прекрасныхъ дѣвъ, и слезы матерей,

И стая вороновъ, кружащихъ надъ костями,—

И стыдно мнѣ тогда, и больно за людей.

Военные герои и подвиги новаго времени также не волновали сердце Надсона. Даже Отечественная война послужила для него только фономъ, чтобы изобразить горе матери, воображающей своего раненаго сына забытымъ на полѣ битвы („Святитель“ въ первомъ варьянтѣ).

Отрицательное отношеніе къ войнѣ проявилъ и гр. Голенищевъ-Кутузовъ.

Убийства жаждой не объятый,
Я бранныхъ пѣсень не пою,
И душу мирную мою
Не тѣшатъ ярыхъ битвъ раскаты.
Я нѣмъ и глухъ къ громамъ войны,
Но вопли жертвъ мой слухъ терзають;
Они побѣдно заглушаютъ
Веселье, шумъ и плескъ весны!

Такое заявленіе сдѣлано поэтомъ въ стихотвореніи „Мольба“, написанномъ во время русско-турецкой войны. И въ рядѣ другихъ стихотвореній, вызванныхъ этой войной, онъ говоритъ больше всего объ ужасахъ войны, которые заставляли его мечтать о томъ будущемъ, когда

Земныя племена, всѣ въ рубищахъ войны,
Людской обрызганныя кровью,
Падутъ раскаянья и радости полны
Предъ всепрощающей любовью.

И Апухтинъ, посвятившій юношеское стихотвореніе смерти Корнилова и сочинившій въ шестидесятые годы „Солдатскую пѣсню о Севастополѣ“, въ 1877 году отнесся даже къ освободительной войнѣ съ осужденіемъ во имя религіи. „Боже!—говоритъ онъ въ стихотвореніи „Во время войны“—

Одинъ ты, и вѣра одна.
Кровавая жертва Тебѣ не нужна.
Яви же борцамъ негодующій ликъ,
Скажи имъ, что міръ Твой хорошъ и великъ,
И слово забытое братской любви
Въ сердцахъ, омраченныхъ враждой, оживи!

Х. Марлинскій. Гоголь.

Почти всѣ русскіе поэты-лирики такъ или иначе выразили свое отношеніе къ пережитымъ ими войнамъ

и дали намъ возможность судить и объ ихъ отноше-
ніи къ войнѣ вообще. Гораздо труднѣе опредѣлить
отношеніе къ войнѣ представителей русской художе-
ственной прозы, завоевавшей во второй половинѣ
XIX вѣка весь цивилизованный міръ. Очень немногіе
изъ этихъ писателей были знакомы съ войной на осно-
ваніи личныхъ впечатлѣній, отразившихся въ ихъ ху-
дожественныхъ произведеніяхъ; о переживаніяхъ же
большинства имѣются только случайныя свѣдѣнія, на
основаніи которыхъ трудно строить болѣе или менѣе
опредѣленные выводы. Въ бѣгломъ обзорѣ можно не
останавливаться на такихъ второстепенныхъ и третье-
степенныхъ писателяхъ первой половины XIX вѣка,
какъ Лажечниковъ, Загоскинъ, Булгаринъ, Зотовъ, ко-
торые принимали участіе въ Наполеоновскихъ войнахъ
и изображали эту эпоху въ своихъ романахъ и „по-
ходныхъ запискахъ“, обращая главное вниманіе на па-
триотизмъ русскаго народа и только мимоходомъ упо-
миная объ ужасахъ войны. Но нельзя пройти молча-
ніемъ Бестужева-Марлинскаго, который въ области ба-
тальной прозы оставилъ далеко позади себя всѣхъ
своихъ современниковъ.

Блестящій и патриотически-настроенный офицеръ-
декабристъ, попавшій послѣ якутской ссылки на Кав-
казъ и сложившій тамъ свою голову въ борьбѣ съ
черкесами, Бестужевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ
„мятежныхъ“ натуръ, литературнымъ образомъ кото-
рыхъ является лермонтовскій Мцыри. Подобно Лер-
монтову онъ любилъ переживать и изображать и бури
шумныя природы, и бури тайныя страстей, и тревоги
дикія войны. На Кавказѣ онъ принималъ участіе въ
цѣломъ рядѣ кровавыхъ стычекъ съ его полудикими

обитателями, при чемъ всегда былъ впереди, обнаруживая безумную храбрость и на каждомъ шагу рискуя жизнью.

Не одинъ пылкій темпераментъ былъ источникомъ отчаянной отваги Бестужева. Невыносимо тяжелое положение разжалованнаго офицера и государственнаго преступника также заставляло его рваться въ бой, сначала для того, чтобы кровью смыть прошлое, а потомъ просто для того, чтобы найти смерть. Какъ бы то ни было, онъ признавался, что ему весело, когда вокругъ него свистѣли пули, онъ радовался, когда ему удавалось свалить какого-нибудь гарца.

Свое увлеченіе войной Бестужевъ доводилъ до ея апоѳеоза. „Творить божественно,—говорится въ одномъ изъ его дневниковъ,—но и разрушать тоже божественно. Разрушеніе—тукъ для новой лучшей жизни“. Неудивительно послѣ такого заявленія, что въ сочиненіяхъ Бестужева мы находимъ страницы, залитыя кровью, что онъ съ восторгомъ изображаетъ боевыя качества русскаго солдата и равнодушно относится къ ужасамъ войны.

„Когда вообразишь,—говоритъ онъ о русскомъ солдатѣ,—неутомимость трудовъ его въ походахъ и осадахъ, безстрашіе въ битвахъ: такъ уму чудно, а сердце радуется. Съ пудовымъ ранцемъ за плечами прыгаетъ онъ на стѣну, какъ серна, съ голоднымъ брюхомъ дерется, какъ левъ, на приступѣ! Нѣтъ для него горъ непроходимыхъ, нѣтъ крѣпостей неодолимыхъ“.

А въ разсказѣ Бестужева о взятіи штурмомъ города Байбурта мы находимъ такія строки: „Возвращаясь по полю, усѣянному мертвыми тѣлами, разумѣется обнаженными, и видя иныхъ еще дышащими, съ за-

пекшейся кровью на устахъ и лицѣ, видя всюду грабежъ, насилие, пожаръ,—словомъ, всѣ ужасы, сопровождающіе приступъ и битву, я удивлялся, не чувствуя въ себѣ содроганія; казалось, какъ будто я выросъ въ этомъ, какъ будто это должно было такъ быть: какъ скоро привыкаетъ человѣкъ къ этимъ картинамъ! Сознаніе, что ты не въ состояніи помочь, ни отвратить, дѣлаетъ тебя почти равнодушнымъ“.

И все-таки Бестужевъ, несмотря на приведенныя признанія и заявленія, не былъ послѣдовательнымъ и убѣжденнымъ милитаристомъ. И для него, какъ для Лермонтова, конечнымъ идеаломъ былъ миръ и покой. И онъ на лонѣ величественной кавказской природы постигалъ душою смыслъ хвалебнаго рождественскаго гимна: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ“. И онъ, когда проходило опьяненіе борьбой, задавался тоскливымъ и мучительнымъ вопросомъ: зачѣмъ льется человѣческая кровь тамъ, гдѣ могли бы быть миръ и благоволеніе?

Въ такія минуты свое дѣятельное участіе въ покореніи и истребленіи горцевъ, уважаемыхъ имъ за храбрость и любовь къ свободѣ, Бестужевъ старался оправдать не только патріотической необходимостью, но и лучшимъ будущимъ, которое должно настать для Кавказа послѣ завоеванія его русскими. „Много, но не долго,—говорилъ онъ,—литься на Кавказѣ дождю кровавому,—гроза расцвѣтетъ тишью, желѣзо бранное будетъ поражать только грудь земли—и цѣпные мосты повиснутъ черезъ пропасти, подъ которыми страшно было видѣть и радугу. Дайте Кавказу миръ, и не ищите земного рая на Евфратѣ“.

Если еще напомнить, что Бестужевъ не любилъ На-

полеона за его эгоизмъ, что въ концѣ своей бурной жизни онъ лелѣялъ мысль о выходѣ при первой возможности въ отставку, то мы не ошибемся, признавши его собственнымъ идеаломъ мечты его героя, переславскаго князя Андрея, о той „радостной порѣ“,

Когда на землю снидуть вновь
Покой и братская любовь,
И свяжетъ радуга завѣта
Въ одинъ народъ весь смертный родъ ¹⁾.

Гораздо труднѣе опредѣлить отношеніе къ войнѣ величайшаго русскаго прозаика первой половины XIX вѣка—Гоголя, убившаго своими произведеніями популярность Марлинскаго.

Мы знаемъ, что въ нѣжинской гимназіи Гоголь между прочимъ изучалъ и военныя науки и могъ поговорить о томъ, „какой планъ войны производилъ Тюренъ, принцъ Евгений, Наполеонъ, Суворовъ, великій Конде“ и т. д.; но самъ онъ никогда не мечталъ о военной службѣ, напротивъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ стремился на службу гражданскую, чтобы вести борьбу съ неправосудіемъ. Какъ историкъ, онъ относился съ уваженіемъ къ великимъ завоевателямъ, и Александръ Македонскій въ его глазахъ былъ не „грабитель міра“, а великій грекъ, который „задумалъ гигантское дѣло: соединить Востокъ съ Европою и разнести вездѣ греческое просвѣщеніе“. Въ качествѣ же художника Гоголь подвергъ завоевателей беспощадному осмѣянію въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“.

Уже съ первыхъ шаговъ своей литературной дѣятельности Гоголь сталъ пробовать свои силы въ изо-

¹⁾ См. книгу Н. Котляревскаго „Декабристы кн. А. Одоевскій и А. Бестужевъ“. Спб. 1907.

браженіи освободительныхъ войнъ Малороссіи съ Польшей и, наконецъ, въ „Тарасѣ Бульбѣ“ далъ своего рода національную поэму. Не даромъ итальянскій писатель Карлетти въ своей книгѣ „Современная Россія“ сдѣлалъ такое заявленіе: „если бы „Тарасъ Бульба“ былъ написанъ стихами, то Россія имѣла бы свою героическую поэму, свою „Иліаду“, свою „Энеиду“. Интересъ Гоголя къ освободительнымъ войнамъ проявился и въ неоконченной его трагедіи изъ англійской исторіи „Альфредъ“. Но, живо интересуюсь войнами прошлаго, Гоголь не проявилъ почти никакого интереса къ тѣмъ войнамъ, которыхъ онъ былъ современникомъ. Слѣдуетъ также отмѣтить, что, не зная границъ въ идеализаціи запорожскихъ „лыцарей“, въ современной ему военной средѣ Гоголь находилъ однихъ только пошляковъ.

Во всякомъ случаѣ Гоголя нельзя признать противникомъ войны; онъ мирился съ ней, какъ съ фактомъ установленнаго Богомъ мірового порядка, называлъ Бога „небеснымъ Полководцемъ“, сравнивалъ земную жизнь съ битвой и совѣтовалъ брать примѣръ съ воина. „На битву мы сюда призваны—говорится въ одной изъ статей, вошедшихъ въ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“:—а потому мы ни на мигъ не должны позабывать, что вышли на битву, и нечего тутъ выбирать, гдѣ поменьше опасностей: какъ добрый воинъ, долженъ бросаться изъ насъ всякъ туда, гдѣ пожарче битва... Не уклоняйся же отъ поля сраженія, а, выступивши на сраженіе, не ищи непріятеля безсильнаго, но сильнаго... Не велика слава для русскаго сразиться съ миролюбивымъ нѣмцемъ, когда знаешь впередъ, что онъ побѣдитъ; нѣтъ, съ черкесомъ, кото-

раго все дрожить, считая непобѣдимымъ, съ черкесомъ схватиться и побѣдить его, вотъ слава, которую можно похвалиться!“ („Напутствіе“).

Но все-таки можно думать, что миръ Гоголь предпочиталъ войнѣ, особенно въ 1848 году, когда, подъ влияніемъ политическихъ тревогъ, онъ считалъ нужнѣе всего молиться „о мирѣ всего міра“ и выражалъ желаніе „удержаться на своемъ мирномъ поприщѣ литературномъ и быть пѣвцомъ мира и тишины посреди брани“.

Еще труднѣе составить представленіе объ отношеніи къ войнѣ русскихъ писателей въ прозѣ, вышедшихъ изъ школы Пушкина и Гоголя, такъ какъ только о Достоевскомъ и Левѣ Толстомъ, да отчасти о Тургеневѣ, мы располагаемъ необходимыми для рѣшенія этого вопроса матеріалами.

XI. Тургеневъ.

Тургеневъ заставляеть въ „Разговорѣ“ (1844) старика-декабриста съ восторгомъ предаваться военнымъ воспоминаніямъ и рисовать батальныя картины почти подлиннымъ языкомъ Пушкина ¹⁾. Но этой поэзіи войны черезъ два года была противопоставлена очень жалкая проза въ рассказѣ о казни еврея-шпіона („Жидъ“). Въ концѣ своей жизни Тургеневъ посвятилъ два „стихотворенія въ прозѣ“ невиннымъ жертвамъ войны: Ю. П. Вревской, сестрѣ милосердія, умер-

¹⁾ Напримѣръ: Проворно строятся полки,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.

шей отъ тифа въ Болгаріи, и денщику Егору, повѣ-
шенному подъ Аустерлицемъ за мнимую кражу двухъ
куриць.

Всѣ эти произведенія созданы не на основаніи лич-
ныхъ впечатлѣній автора, потому что онъ никогда на
войнѣ не былъ. Собственными глазами Тургеневу при-
велось видѣть только гражданскую войну въ Парижѣ—
знаменитые юньскіе дни 1848 года, когда республика
буржуазная потопила въ крови рабочихъ „республику
соціальную и демократическую“. Тургеневъ не закле-
милъ эту братоубійственную войну такими страшными
проклятіями, какъ Герценъ въ книгѣ „Съ того бе-
рега“, но онъ никогда не могъ забыть это страшное
время и не могъ скрыть, что его симпатіи были не на
сторонѣ побѣдителей, а на сторонѣ побѣжденныхъ
„блузниковъ“ (см. рассказъ „Наши послали“).

И въ 1849 году, во время венгерскаго похода, со-
чувствіе Тургенева было не на сторонѣ побѣдонос-
ныхъ соотечественниковъ, а на сторонѣ побѣжденныхъ
венгерцевъ. „Бѣдные венгерцы!—писалъ онъ г-жѣ
Віардо:—честный человѣкъ въ концѣ-концовъ не бу-
детъ знать, гдѣ ему жить“. Крымская война также не
вызвала въ Тургеневѣ особеннаго подъема патріоти-
ческаго чувства, несмотря на то, что въ это время онъ
былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Аксаковыми, на-
строенными очень патріотически. Даже паденіе Сева-
стополя, повидимому, мало поразило Тургенева, утѣ-
шавшаго себя и Аксаковыхъ надеждою, что Россія
сумѣетъ воспользоваться „страшнымъ урокомъ“ такъ
же хорошо, какъ Пруссія воспользовалась пораже-
ніемъ при Іенѣ.

Гораздо мучительнѣе были переживанія Тургенева

во время усмиренія Польши. „Опять кровь, опять ужасы,—писаль онъ Анненкову:—когда же это все прекратится, когда войдемъ мы, наконецъ, въ нормальныя и правильныя отношенія къ ней?! Нельзя не желать скорѣйшаго подавленія этого безумнаго возстанія, столько же для Россіи, сколько для самой Польши“. Подобно Ив. Аксакову, Тургеневъ желалъ, чтобы коренной Польшѣ, безъ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній, была предоставлена конституція 1815 года и даже полная политическая независимость, но только при одномъ условіи, чтобы это было добровольнымъ дѣломъ Россіи, а не результатомъ угрозы Западной Европы. Уступку же требованіямъ Англии и Франціи въ этомъ вопросѣ онъ считалъ настолько унижительной для нашей національной чести, что не останавливался передъ мыслью о войнѣ. „Я начинаю желать войны,—писаль онъ Щербаню:—одинъ конецъ—такъ или этакъ мы выйдемъ изъ безобразнаго болота, въ которомъ сидимъ по горло“¹⁾.

Съ ужасомъ встрѣтилъ Тургеневъ и франко-прусскую войну, тѣмъ болѣе, что онъ боялся вторженія французовъ въ Баденъ-Баденъ, тогдашнее его мѣсто-жительство. Онъ проклиналъ эту „безобразную, отвратительную“ войну и „безумно-преступныхъ ея виновниковъ“, которыми онъ считалъ французовъ. Слыша изъ Баденъ-Бадена бомбардировку Страсбурга, онъ предавался мрачнымъ „философическо-историческо-соціальнымъ размышленіямъ“, сущность которыхъ сводилась къ тому, что „желѣзный вѣкъ еще не про-

¹⁾ См. главу „Тургеневъ и польскій вопросъ“ въ книгѣ Н. Гутьера „И. С. Тургеневъ“. Юрьевъ, 1907.

шелъ,—и мы все еще варвары и вѣроятно останемся такими до конца дней“. Онъ боялся даже, что въ войну будетъ втянута Россія, что „Европа загорится со всѣхъ концовъ“, и задавался вопросомъ: „что станетъ тогда съ цивилизаціей и свободой?“

Несмотря на тѣсную дружбу съ французской и притомъ патриотически-настроенной семьей Виардо, Тургеневъ желалъ, чтобы побѣдила Германия, потому что относился со страшной ненавистью къ имперіи Наполеона III и видѣлъ въ ея паденіи „спасеніе цивилизаціи и возможность свободнаго развитія свободныхъ учреждений въ Европѣ“. „Я всей душой на сторонѣ нѣмцевъ,—писалъ онъ Фридендеру:—это положительно война цивилизаціи съ варварами... Бонапартизмъ долженъ получить достойный урокъ, чего бы это ни стоило, если только общественная нравственность, свобода и самостоятельность Европы имѣютъ какое-нибудь будущее. Какой отвратительной, лживой, насквозь гнилой оказалась эта „великая нація!“ Она должна имѣть свою Іену, свой Севастополь, свой Кениггрецъ“.

„Я настроенъ совершенно, какъ нѣмецъ. Побѣда Франціи была бы гибелью свободы“. Такъ писалъ Тургеневъ и Пичу, при чемъ выражалъ радость, что „негодяй (Наполеонъ) со всей своей кликой выброшенъ въ клоаку“. И своимъ русскимъ друзьямъ Тургеневъ писалъ, что желаетъ побѣды нѣмцамъ, потому что „съ побѣдой Франціи—аминь всякой свободѣ въ Европѣ“. И въ письмахъ на родину онъ выражалъ радость, что наполеоновская Франція потерпѣла полный разгромъ. „Паденіе гнусной имперіи Наполеона доста-

вило мнѣ великую радость“, писалъ онъ, напримѣръ, женѣ Н. А. Милютина.

Но когда Германія стала злоупотреблять своей силой и проявлять „завоевательную алчность“, симпатіи Тургенева повернулись въ сторону разбитой и униженной Франціи. „Нѣмцы теперь являются завоевателями, а къ завоевателямъ у меня сердце особенно не лежитъ“, писалъ онъ Анненкову. Онъ желалъ нѣмцамъ неудачи подъ Парижемъ; онъ желалъ и допускалъ возможность такого мира, который надолго обезпечилъ бы спокойствіе Германіи, но не унизилъ бы Францію и не заключалъ бы въ себѣ зародыша новыхъ, еще болѣе ужасныхъ, войнъ. Поэтому отнятіе Эльзаса и Лотарингіи привело Тургенева въ негодованіе. Эта „Польша въ квадратъ“ возмущала его нравственное чувство и пугала возможностью новыхъ кровопролитій.

Русско-турецкая война также заставила Тургенева пережить не мало неприятностей и огорченій. „Болгарскіе ужасы“, обличенные передъ Европой Гладстономъ, не могли не вызвать страшнаго негодованія въ гуманномъ сердцѣ великаго романиста, и плодомъ этого негодованія явилось извѣстное стихотвореніе „Крокетъ въ Виндзорѣ“, гдѣ отвѣтственность за славянскую кровь, пролитую турецкими башибузуками, возлагается—на королеву Викторію. Войну съ Турціей Тургеневъ считалъ неизбѣжной даже въ то время, когда его друзья и знакомые держали съ нимъ пари за миръ; но эта война не радовала, а пугала его. Онъ считалъ Россію неподготовленной къ войнѣ въ дипломатическомъ и военномъ отношеніяхъ. Онъ находилъ, что „у турокъ и больше войска, чѣмъ у насъ—и оно

лучше вооружено“. Его пугало и то обстоятельство, что „Европа насъ ненавидитъ, вся Европа безъ исключенія“ что „мы одни—и должны остаться одни“ (курсивъ Тургенева)—и это въ лучшемъ случаѣ.

Не радовали Тургенева и русскіе генералы, судя по его крайне отрицательнымъ отзывамъ о Черняевѣ въ письмахъ къ Полонскому. Не раздѣлялъ Тургеневъ и тогдашняго настроенія русскаго общества, по крайней мѣрѣ, тѣхъ круговъ его, которые видѣли въ войнѣ съ Турціей нѣчто въ родѣ крестовыхъ походовъ. „Освобождая болгаръ, — писалъ онъ Полонскому, — мы должны руководствоваться не тѣмъ фактомъ, что они христіане, а турки—магометане; а тѣмъ, что турки ихъ рѣжутъ и грабятъ“. Не хотѣлъ Тургеневъ видѣть въ войнѣ съ турками и „чудодѣйственнаго средства“ противъ „нашего внутренняго худосочія“, противъ внутреннихъ нестроеній, которыя онъ изъ своего „прекраснаго далека“ склоненъ былъ настолько преувеличивать, что говорилъ даже о необходимости новаго Минина. Наконецъ, освободительную роль Тургеневъ считалъ даже не къ лицу тогдашней Россіи. Не даромъ онъ заставляетъ Нежданова въ „Нови“, написанной въ 1876 году, сдѣлать такое признаніе: „Право, мнѣ кажется, что если бы гдѣ-нибудь теперь происходила народная война,—я бы отправился туда, не для того, чтобы освободить кого бы то ни было (освободить другихъ, когда свои не свободны!!), но чтобы покончить съ собою“.

И тѣмъ не менѣе, Тургеневъ желалъ войны съ Турціей, потому что не видѣлъ другого исхода „изъ нашего безобразнаго положенія“. „Одни русскіе революціонеры, — писалъ онъ Полонскому, — желаютъ мира,

такъ какъ они воображаютъ, что это скомпрометируетъ государя въ глазахъ народа“. Во всякомъ случаѣ приближеніе этой неизбежной и необходимой войны усиливало и безъ того пессимистическое настроеніе Тургенева. Когда же война разразилась, и начались наши неудачи въ Болгаріи и за Кавказомъ, онъ впалъ въ совершенное отчаяніе.

„Мнѣ ужасно скверно на душѣ, по милости нашихъ неслыханныхъ глупостей на востокъ,—писалъ онъ Поленскому 14 августа 1877 года,—и мнѣ хотѣлось бы забиться въ какую-либо нору, чтобы не видѣть никого и ничего не слышать!“. „Я, предвижу,—писалъ онъ Е. И. Апрельской еще до послѣдняго неудачнаго штурма Плевны,—катастрофы, всяческія униженія и бѣды, изъ которыхъ самая малая—окончательное паденіе славянскихъ надеждъ... Такое веденіе войны—немыслимо, безобразно... Результатъ будетъ хуже Крымской кампаніи“.

Паденіе Плевны и приближеніе русскихъ войскъ къ Константинополю успокоило и обрадовало Тургенева, и онъ сталъ надѣяться на „почетный и прочный миръ“ и даже на введеніе въ Россіи представительныхъ учрежденій. Но Берлинскій конгрессъ принесъ Тургеневу новое разочарованіе, и онъ умеръ съ мрачнымъ предчувствіемъ неизбежности въ ближайшемъ будущемъ войны Россіи съ Германіей. Эта война, по его мнѣнію, должна была разразиться въ срединѣ восьмидесятихъ годовъ и по вызову Германіи,—предсказаніе, исполнившееся на тридцать лѣтъ позже назначеннаго Тургеневымъ срока.

Въ общемъ итогъ отношеніе Тургенева къ войнѣ было рѣзко враждебнымъ, хотя въ отдѣльныхъ слу-

чаяхъ онъ видѣлъ въ ней наиболѣе дѣйствительное средство для разрѣшенія запутанныхъ вопросовъ международной жизни, а неудачныя войны иногда считалъ даже полезными для обнаруженія внутреннихъ недостатковъ государства.

ХІІ. Достоевскій.

Изъ стихотворенія Достоевскаго „На европейскія событія въ 1854 году“ мы знаемъ, что во время Крымской войны бывший петрашевецъ, только что освобожденный изъ каторги, былъ настроенъ очень патриотически. Онъ вѣрилъ, что и теперь, какъ прежде, „спасутъ насъ крестъ, святыня, вѣра, тронъ“, и что Россія не только выйдетъ побѣдительницей, но завоюетъ Царьградъ и возродитъ къ новой жизни древній Востокъ.

Возлагая отвѣтственность за войну на союзниковъ Турціи, Достоевскій говорилъ имъ:

Вѣдь, кажется, намъ нечего дѣлить,
И мѣста много всѣмъ подъ небесами.

Но, перефразируя знаменитый лермонтовскій стихъ, Достоевскій едва ли думалъ протестовать противъ войны вообще. Показавши въ „Преступленіи и наказаніи“, что нельзя безнаказанно пролить кровь даже такой „безполезной, гадкой, зловредной вши“, какъ убитая Раскольниковымъ ростовщица, Достоевскій въ то же время былъ убѣжденнымъ защитникомъ и поклонникомъ войны.

Во время франко-прусской войны, когда всѣ симпатіи Достоевскаго, въ противоположность Тургеневу,

были на сторонѣ французовъ, онъ доказывалъ своей племянницѣ, что война возродитъ Францію. „Безъ войны,—писалъ онъ при этомъ,—человѣкъ деревенѣтъ въ комфортъ и богатствѣ и совершенно теряетъ способность къ великодушнымъ мыслямъ и чувствамъ и непримѣтно ожесточается и впадаетъ въ варварство“. Поведеніе нѣмцевъ въ завоеванной ими Франціи показало Достоевскому, что во время войны даже культурная нація „впадаетъ въ варварство“ и можетъ вести себя не лучше гунновъ во время Аттилы ¹⁾: но отъ своего мнѣнія о пользѣ и благотворности войны онъ не отказался, и защитѣ и развитію этого мнѣнія посвятилъ цѣлый рядъ страницъ въ „Дневникъ писателя“.

„Дикая мысль,—читаемъ мы въ апрѣльскомъ номерѣ „Дневника“ за 1876 годъ,—что война есть бичъ для человѣчества. Напротивъ, самая полезная вещь. Одинъ только видъ войны ненавистенъ и, дѣйствительно, пагубенъ: это—война междуособная, братоубійственная. Она мертвитъ и разлагаетъ государство, продолжается всегда слишкомъ долго и озвѣряетъ народъ на цѣлыя столѣтія. Но политическая, международная война приносить лишь одну пользу во всѣхъ отношеніяхъ, а потому совершенно необходима“.

Человѣчество, говорится дальше, не можетъ жить безъ великодушныхъ идей и любитъ войну, которая требуетъ самыхъ высокихъ жертвъ,—жертвъ собственной жизнью въ интересахъ отечества. Въ мирное же время великодушіе гибнетъ, и вмѣсто него развиваются

¹⁾ „Хороша школа,—писалъ онъ Аполлону Майкову въ самомъ концѣ 1870 года по поводу мнѣнія, что пруссаки побѣдили школой,—которая грабитъ и мучаетъ, какъ Аттилова орда? (да не хуже ли?)“.

цинизмъ, равнодушіе, скука, укореняются трусливость и безчестность. „Долгій миръ,—по словамъ Достоевскаго,—ожесточаетъ людей. Въ долгій миръ социальный перевѣсъ всегда переходитъ на сторону всего, что есть дурного и грубаго въ человѣчествѣ,—главное, къ богатству и капиталу“. Въ долгій миръ гложутъ науки и искусства, тогда какъ послѣ войны они развиваются съ новымъ блескомъ. „Война ихъ обновляетъ, освѣжаетъ, вызываетъ, крѣпитъ мысли и даетъ толчокъ... Если бъ не было на свѣтѣ войны, искусство бы заглохло окончательно. Всѣ лучшія идеи искусства даны войной, борьбой“.

Конечно, война причиняетъ матеріальныя бѣдствія, но послѣ войны „экономическія силы страны возбуждаются въ десять разъ, какъ будто грозовая туча пролилась обильнымъ дождемъ надъ изсохшей почвой“. Конечно, христіанская мораль отвергаетъ войну и требуетъ братолюбія, но „христіанство само признаетъ фактъ войны и пророческуетъ, что мечъ не преидетъ до кончины міра“. Въ настоящее же время „миръ всегда и вездѣ хуже войны“, тогда какъ „война развиваетъ братолюбіе и соединяетъ народы“. Кромѣ того, „война поднимаетъ духъ народа и его сознаніе собственнаго достоинства. Война равняетъ всѣхъ во время боя и миритъ господина и раба въ самомъ высшемъ проявленіи человѣческаго достоинства,—въ жертвѣ жизни за общее дѣло, за всѣхъ, за отечество“. Однимъ словомъ, „война в ъ н а ш е в р е м я (курсивъ Достоевскаго) необходима; безъ войны провалился бы міръ, или, по крайней мѣрѣ, обратился бы въ какую-то слизь, въ какую-то подлую слякоть, зараженную гнилыми ранами“.

Приведенныя разсужденія приписываются „знакомому парадоксалисту“ и „мечтателю“, но мы имѣемъ тутъ дѣло съ завѣтными мыслями самого Достоевскаго, хотя и выраженными въ парадоксальной формѣ. Годъ спустя, когда Россія объявила войну Турціи, онъ повторилъ эти мысли, съ нѣкоторыми ограниченіями, уже отъ своего лица. Въ апрѣльскомъ номерѣ „Дневника писателя“ за 1877 годъ Достоевскій доказывалъ, что „не всегда война бичъ, а иногда и спасеніе“. „Скорѣе миръ,—говоритъ онъ,—долгій миръ звѣрять и ожесточаетъ человѣка, а не война“. Войною же „съ наименьшимъ (!) пролитіемъ крови, съ наименьшею скорбію и съ наименьшею тратой силъ достигается международное спокойствіе“. А если война предпринимается во имя святой идеи, во имя высшаго и великодушнаго принципа, ради освобожденія угнетенныхъ, то она можетъ принести только пользу. Такая война очищаетъ зараженный воздухъ отъ скопившихся міазмовъ, прогоняетъ позорную трусость и лѣнь, укрѣпляетъ душу отдѣльнаго человѣка сознаніемъ самопожертвованія, а духъ всего народа сознаніемъ взаимной солидарности и единенія.

Такой именно пользы ждалъ Достоевскій для Россіи отъ войны съ Турціей въ 1877—1878 годы.

Завѣтной мечтой Достоевскаго было освобожденіе и объединеніе всего славянства подъ крыломъ Россіи— „великое славянское единеніе во имя Христовой истины, т.-е. на пользу, любовь и службу всему человѣчеству, на защиту всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ въ мірѣ“. Въ этомъ онъ видѣлъ разрѣшеніе восточнаго вопроса и осуществленіе русской идеи. Хотя Левъ Шестовъ и заявилъ въ 1906 году, что почти всѣ политиче-

скія идеи Достоевскаго „отзываются хищничествомъ: захватить, захватить и еще захватить“, на самомъ дѣлѣ онъ рѣшительно и опредѣленно устранялъ мысль о захватѣ и присоединеніи къ Россіи какихъ-либо славянскихъ провинцій. Только относительно Константинополя онъ неустанно твердилъ, что въ интересахъ славянства и русской идеи этотъ городъ непременно долженъ быть нашъ.

Отъ заступничества за славянъ Достоевскій не ждалъ матеріальныхъ выгодъ для Россіи; онъ предсказывалъ даже, что „не будетъ у Россіи, и никогда еще не было, такихъ ненавистниковъ, завистниковъ, клеветниковъ и даже явныхъ враговъ, какъ всѣ эти славянскія племена, чуть только ихъ Россія освободить, а Европа согласится признать ихъ освобожденными“. И тѣмъ не менѣе, Достоевскій настаивалъ на войнѣ изъ-за славянъ даже къ явной невыгодѣ Россіи. „Выгода Россіи,—писалъ онъ въ іюнѣ 1876 года,—коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не можетъ Россія измѣнить великой идеѣ, завѣщанной ей рядомъ вѣковъ“, т.-е. идеѣ „всеединенія славянъ ради всеслуженія челоуѣчеству“.

Огромныя жертвы, предстоявшія русскому народу, не охлаждали воинственный пылъ Достоевскаго. Онъ доказывалъ, что необразованный и даже безграмотный русскій народъ прекрасно понимаетъ сущность восточнаго вопроса и готовъ проливать кровь для освобожденія православныхъ славянъ отъ мусульманскаго ига. Еще менѣе могли сдерживать Достоевскаго соображенія объ интересахъ цивилизаци, которые пострадають отъ войны. „Да будутъ прокляты,—восклицалъ онъ

вслѣдъ за Катковымъ,—эти интересы цивилизаціи и даже самая цивилизація, если, для сохраненія ея необходимо сдирать съ людей кожу“, т.-е. мириться съ варварствами турокъ въ Болгаріи.

Не пугала Достоевскаго и допускаемая имъ возможность превращенія восточной войны въ войну всеевропейскую. Онъ даже желалъ такой войны, такъ какъ надѣялся, что пролитая кровь спасетъ Европу отъ вдесятеро большаго кровопролитія въ будущемъ, что эта война разрѣшитъ всѣ вопросы европейской политики и совершенно измѣнитъ и обновитъ нашу часть свѣта.

Прекрасно сознавая всю трудность и даже опасность войны съ Турціей, Достоевскій все-таки самымъ рѣшительнымъ образомъ стоялъ за войну, и въ такомъ смыслѣ дѣйствовалъ на своихъ читателей въ „Дневникѣ писателя“. Онъ выражалъ полное сочувствіе сербамъ, возставшимъ противъ турецкаго владычества; онъ горячо защищалъ генерала Черняева и русскихъ добровольцевъ, называя ихъ „піонерами русской политической мысли“; онъ старательно и подробно изображалъ болгарскіе ужасы; однимъ словомъ, онъ всѣми силами старался поддерживать то общественное движеніе, которое привело насъ къ войнѣ съ Турціей.

Когда же война, наконецъ, была объявлена, Достоевскій сталъ доказывать, что она необходима не только для освобожденія славянъ, но и для собственнаго нашего спасенія. „Намъ нужна эта война и самимъ,—писалъ онъ въ апрѣлѣ 1877 года,—война освѣжитъ воздухъ, которымъ мы дышимъ и въ которомъ мы задохались, сидя въ немощи растлѣнія и въ духовной тѣснотѣ... Намъ нужна война и побѣда. Съ войной и побѣдой придетъ новое слово и начнется новая

жизнь“... И не смущаясь временными неудачами подъ Плевной, Достоевскій вѣрилъ въ неизбѣжную побѣду Россіи и въ окончательное разрѣшеніе восточнаго вопроса при содѣйствіи Германіи, которая, въ свою очередь, по его мнѣнію, получить отъ насъ помощь противъ Франціи.

Германія обманула надежды Достоевскаго и заставила его въ послѣднемъ номерѣ „Дневника“ выразить глубокое сожалѣніе, что близорукая политика Россіи помогала сохраненію одной и усилению другой нѣмецкой державы. Не оправдалось и предсказаніе великаго писателя, но плохого политика, о томъ, что европейская война будетъ вызвана Франціей, которая обнажить мечъ не для возвращенія Эльзаса и Лотарингіи, а въ интересахъ папы и католичества, и что въ этой войнѣ Россія будетъ на сторонѣ Германіи.

Но какъ ни занимали Достоевскаго настоящія и будущія войны, какъ ни воинственно былъ онъ настроенъ во время русско-турецкой войны, какъ ни настойчиво доказывалъ онъ пользу войны и вредъ долгаго мира,—его конечнымъ идеаломъ былъ все-таки вѣчный миръ. И великое славянское единеніе, и завоеваніе Константинополя, и всеевропейская война,—все это въ глазахъ Достоевскаго были только средства и шаги „къ достиженію того вѣчнаго мира, въ который мы,—писалъ онъ въ 1877 году,—имѣемъ счастье вѣрить, къ достиженію во истину международнаго единенія и во истину человѣколюбиваго преуспѣанія“ (курсивъ Достоевскаго).

И въ этомъ заявленіи нѣтъ никакого противорѣчія, съ приведенными разсужденіями о пользѣ и необходи-

мости войны, потому что Достоевскій подчеркивалъ только временную необходимость и полезность войны и такимъ образомъ отгораживался отъ тѣхъ военныхъ и штатскихъ милитаристовъ, которые считаютъ вѣчный миръ утопией и вмѣстѣ съ Лейбницемъ думаютъ, что вѣчный миръ возможенъ только на кладбищѣ.

ХІІІ. Левъ Толстой.

Достоевскій вѣрилъ, что за періодомъ войнъ для культурнаго человѣчества рано или поздно настанетъ эпоха вѣчнаго мира; Левъ Толстой проповѣдовалъ, что эта великая цѣль скорѣе всего можетъ быть достигнута послѣдовательнымъ проведеніемъ его ученія о непротивленіи злу насиліемъ и рѣшительнымъ отрицаніемъ патріотизма. Но прежде чѣмъ сдѣлаться самымъ рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ отрицателемъ войны и патріотизма, Левъ Толстой заплатилъ не малую дань и любви къ отечеству, и народной гордости, и даже военному честолюбію.

До двадцатилѣтняго возраста Толстой, повидимому, никогда не думалъ о военной службѣ, хотя и въ его жизни былъ тотъ періодъ дѣтскаго героизма, когда онъ „одинъ расхаживалъ по комнатѣ и, размахивая руками, воображалъ себя героемъ, сразу убивающимъ безчисленное множество людей и получающимъ за это чинъ генерала и безсмертную славу“ (см. начало разсказа „Набѣгъ“ въ недавно возстановленной первоначальной редакціи). Но въ 1848 году, когда Россія готовилась къ походу на Венгрію, а будущій великій писатель держалъ экзамень на кандидата юриспруден-

ці, у него явилось желаніе поступить юнкеромъ въ конно-гвардейскій полкъ и отправиться на войну. Жажда знанія на этотъ разъ побѣдила честолюбіе, какъ сообщалъ впослѣдствіи самъ Толстой своему нѣмецкому біографу Левенфельду; но три года спустя онъ отправился на Кавказъ и поступилъ тамъ на военную службу, чтобы „по мѣрѣ силъ,—какъ говорится въ одномъ письмѣ юнаго Толстого,—способствовать съ помощью пушки къ истребленію хищниковъ и непокорныхъ азіатовъ“.

Толстой принималъ участіе въ походахъ на черкесовъ, мечтая о полученіи георгіевскаго креста и не чувствуя никакихъ угрызений совѣсти. Ему даже казалось, что на Кавказъ его привела „рука Божія“. Только въ концѣ 1852 года, когда писался разсказъ „Набѣгъ“, въ душѣ молодого писателя явилось сомнѣніе въ необходимости и справедливости войны. Въ этомъ именно разсказѣ находятся часто цитируемыя строки, представляющія развитіе знаменитаго лермонтовскаго вопроса.

...„Природа дышала примирительно красотой и силой. Неужели тѣсно жить людямъ на этомъ прекрасномъ свѣтѣ, подъ этимъ неизмѣримымъ звѣзднымъ небомъ? Неужели можетъ среди этой обаятельной природы удержаться въ душѣ человѣка чувство злобы, мщенія или страсти истребленія себѣ подобныхъ? Все недоброе въ сердцѣ человѣка должно бы, казалось, исчезнуть въ прикосновеніи съ природой, этимъ непосредственнѣйшимъ выраженіемъ красоты и добра. Война? Какое непонятное явленіе! Когда разумъ задаетъ себѣ вопросъ: справедливо ли, необходимо ли оно? внутренній голосъ всегда отвѣчаетъ: нѣтъ. Одно по-

стоянство этого неестественнаго явленія дѣлаеть его естественнымъ, а чувство самосохраненія—справедливымъ“.

Проснувшаяся совѣсть, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ недовольство офицерской средой и огорченіе отъ неполученія георгіевскаго креста, заставила Толстого хлопотать объ отставкѣ; но Крымская война задержала его на военной службѣ еще нѣсколько лѣтъ, и онъ опять вошелъ во вкусъ войны и военной поэзіи. Подъ Силистріей онъ по цѣлымъ часамъ утромъ и вечеромъ любовался „великолѣпнымъ зрѣлищемъ“ осады и выражалъ крайнее недовольство, когда назначенный штурмъ крѣпости былъ отложенъ.

Частью изъ патриотизма, частью ради болѣе сильныхъ ощущеній, съ Дуная Толстой перепросился въ Крымъ, гдѣ пробылъ цѣлый годъ и принималъ участіе въ оборонѣ Севастополя. „Духъ въ войскахъ выше всякаго описанія. Во времена древней Греціи не было столько геройства... Чудное время!.. Я благодарю Бога за то, что видѣлъ этихъ людей и живу въ это славное время... Только наше войско можетъ стоять и побѣждать (мы еще побѣдимъ, въ этомъ я убѣжденъ) при такихъ условіяхъ“. Такъ писалъ Толстой своему брату Сергѣю 20 ноября 1854 года, двѣ недѣли спустя послѣ пріѣзда въ Севастополь.

Увлеченный геройскимъ настроеніемъ защитниковъ Севастополя, Толстой собирался издавать популярный военный журналъ „съ цѣлью поддерживать хорошій духъ въ войскѣ“. Журналъ не былъ разрѣшенъ, но о своемъ преклоненіи передъ „вшивыми и сморщенными“ героями, а также о своихъ переживаніяхъ въ осажденной крѣпости, Толстой повѣдалъ намъ въ зна-

менитыхъ „Севастопольскихъ разсказахъ“. Признавая главнымъ героемъ своихъ разсказовъ „правду“, Толстой показалъ не только подлиннаго русскаго солдата и офицера, но и подлинную войну „не въ правильномъ, красивомъ и блестящемъ строѣ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, съ развѣвающимися знаменами и гарцующими генералами, а... войну въ настоящемъ ея выраженіи—въ крови, въ страданіяхъ, въ смерти“...

Объяснивши необычайную стойкость и выносливость защитниковъ Севастополя ихъ высокимъ патриотизмомъ, высказавши „убѣжденіе въ невозможности поколебать гдѣ бы то ни было силу русскаго народа“,—Толстой въ то же время не скрылъ своего отвращенія не только къ завоевателямъ, „для своего честолюбія губящимъ миллионы“, но и къ тѣмъ прапорщикамъ и подпоручикамъ, которые всегда готовы затѣять сраженіе и убить сотню людей для полученія „лишней звѣздочки“. Даже больше. Мечтая уже въ то время (запись въ дневникѣ 5 марта 1855 года) о соединеніи людей религіей и объ основаніи „новой религіи, соответствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на землѣ“,—Толстой еще въ Крыму началъ приходить къ сознанію, что война противорѣчитъ христіанскому ученію.

„На бастионѣ и на траншеѣ, —говорится въ концѣ разсказа „Севастополь въ маѣ 1855 года“,—выставлены бѣлые флаги, цвѣтущая долина наполнена мертвыми тѣлами, прекрасное солнце спускается къ синему морю, и синее море, колыхаясь, блеститъ на золотыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и

улыбаются другъ другу. И эти люди—христиане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждого, вмѣстѣ со страхомъ смерти, любовь къ добру и къ прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья?.. Бѣлые флаги спрятаны, и снова свистятъ орудія смерти и страданій, снова льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятія“.

Во время Крымской войны Толстой мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться адъютантомъ кн. Горчакова, къ которому онъ относился съ большимъ уваженіемъ, мечталъ также о полученіи георгиевскаго креста, а по окончаніи войны собирался поступить въ военную академію. „Мнѣ хочется дѣлать хорошее, — писалъ онъ своей теткѣ,—а для этого мало быть подпоручикомъ“. Но вскорѣ послѣ окончанія войны Толстой отказался отъ военной карьеры, навсегда снялъ военный мундиръ и сдѣлался писателемъ, сельскимъ хозяиномъ, мировымъ посредникомъ, наконецъ, педагогомъ, при чемъ преподавалъ въ яснополянской школѣ русскую исторію въ самомъ патріотическомъ духѣ.

Не меньшимъ патріотомъ является передъ нами Толстой и въ своемъ величайшемъ художественномъ созданіи—въ романѣ „Война и миръ“. Не даромъ почти всѣ иностранцы, не исключая гениальнаго Наполеона, а также инородцы, представлены въ романѣ, какъ „глупцы, позеры или прохвосты“, по выраженію одного писателя. Съ другой стороны, патріотическое настроеніе русскаго народа и общества во время нашествія французовъ изображено въ такихъ преувеличенныхъ размѣ-

рахъ, которые, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, вызваннымъ столѣтнимъ юбилеемъ Отечественной войны, далеко не соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности.

Подъ вліяніемъ патріотизма разошелся Толстой съ исторіей и въ изображеніи ужасовъ Отечественной войны. „Надо вчитаться,—говоритъ одинъ изслѣдователь этой эпохи,—въ трагическія описанія отступленія французской арміи, сдѣланныя блестящимъ перомъ Сегюра; надо выписать страницы изъ спокойнаго изложенія привыкшихъ къ кровавымъ ужасамъ врачей Росса, Ларрея, де-ла-Флиза, надо вникнуть въ спокойное повѣствовательное изложеніе непріязательнаго сержанта Бургоня, въ письма женщинъ, шедшихъ за отступающей великой арміей, въ многочисленные дневники участниковъ похода—и передъ вами откроется такая бездонная пропасть ужасовъ, что вы почувствуете органическую ненависть къ войнѣ со всѣми ея почти неизбѣжными жестокостями. Передъ вами открываются такія картины, что поскорѣе хочется закрыть позорныя страницы человѣческихъ звѣрствъ. Геніальное перо художника слова прошло мимо этихъ картинъ, могшихъ по своему содержанію дать самый яркій, самый образный матеріалъ для возбужденія чувства человѣчности, чувства негодованія и возмущенія противъ войны, противъ бессмысленныхъ убійствъ... Ужасы „народной войны“ не нашли себѣ отраженія въ „Войнѣ и мирѣ“¹⁾.

Толстой, напримѣръ, только мимоходомъ, вскользь, намекнулъ, что партизанъ Долоховъ, списанный съ

¹⁾ „Война и Мирѣ“. Сборникъ подъ ред. В. П. Обнинскаго и Т. И. Полнера. М. 1912. Статья С. П. Мельгунова.

Фигнера, избиваль попадавшихъ въ плѣнь французовъ, и что смоленскій мужикъ Тихонъ Щербатый охотился за отставшими солдатами великой арміи, какъ за пушнымъ звѣремъ. Но въ романѣ Толстого отсутствуютъ такія ужасныя сцены, какъ изображенное Тургеневымъ и Некрасовымъ потопленіе и избіеніе крестьянами отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ семей, не исключая маленькихъ дѣтей (см. „Однодворецъ Овсяниковъ“ и стихотвореніе Некрасова „Такъ, служба!“). Вообще „Война и миръ“ не возбуждаетъ такого ужаса и отвращенія къ войнѣ, какъ „La débâcle“, хотя Толстой уже въ шестидесятые годы былъ далекъ отъ того, чтобы считать, подобно Золя, войну „однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ прогресса“.

Толстой показаль намъ, какъ относились къ войнѣ почти всѣ герои и героини его романа, начиная съ Наполеона и кончая женой князя Андрея Болконскаго. Мы узнаемъ, что для Наполеона война была шахматной игрой, а для Александра I едва ли не самой „ужасной вещью“ въ свѣтѣ, что Пьеръ Безуховъ признаваль только освободительную войну и допускаль возможность вѣчнаго мира, что старый князь Болконскій считаль вѣчный миръ „бабьими бреднями“, что Николай Ростовъ горѣль желаніемъ умереть за царя и считаль своимъ долгомъ рубиться и умирать, не думая и не разсуждая, что тотъ же Ростовъ послѣ нанесенія перваго удара врагу задался тоскливымъ вопросомъ: „за что-жь мнѣ убивать его?“—что княжна Марья видѣла въ войнѣ поправленіе „законовъ Божественнаго Спасителя, учившаго насъ любви и прощенію обидъ“ и т. д., и т. д.

Выразителемъ же своихъ взглядовъ на войну и своего отношенія къ войнѣ Толстой сдѣлаль, главнымъ

образомъ, князя Андрея Болконскаго. „Чувство удесятеренной радости жизни“ во время сраженія, честолюбивыя мечты о „Тулонѣ“, сознание пустоты и ничтожности земного величія передъ лицомъ смерти и безконечности на полѣ Аустерлица—все это въ сущности переживанія самого Толстого на Кавказѣ и въ Крыму. И та желчная диатриба, которою наканунѣ Бородинской битвы раздражается князь Андрей противъ войны по правиламъ и противъ военной службы, передаетъ, хотя и въ утрированной формѣ, сущность тогдашнихъ взглядовъ Толстого (см. т. III, ч. II, гл. XXV).

Толстой не проповѣдывалъ такой жестокости по отношенію къ врагу, какъ князь Андрей, который считалъ излишнимъ рыцарствомъ брать плѣнныхъ, но и онъ самъ былъ противъ „великодушничанья“ на войнѣ, когда съ явнымъ сочувствіемъ говорилъ о „дубинѣ народной войны“, которая „поднялась со всею своею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьихъ вкусовъ и правилъ, съ глупою простотою, но съ цѣлесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французовъ до тѣхъ поръ, пока не погибло все нашествіе“. „И благо тому народу,—продолжаетъ Толстой,—который въ минуту испытанія, не спрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ простотою и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскорбленія и мести не замѣняется презрѣніемъ и жалостью“ (т. IV, ч. III, гл. I).

„Война,—говоритъ въ крайнемъ возбужденіи князь Андрей,—не любезность, а самое гадкое дѣло въ жизни... Цѣль войны—убійство, орудія войны—шпіон-

ство, измѣна и поощреніе ея, разореніе жителей, ограбленіе ихъ или воровство для продовольствія армии, обманъ и ложь, называемыя военными хитростями“.

„Началась война,—говоритъ вполне спокойно Толстой въ началѣ III тома,—т.-е. совершилось противное чело-вѣческому разуму и всей чело-вѣческой природѣ событіе. Милліоны людей совершали другъ противъ друга такое безчисленное количество злодѣяній, обмановъ, измѣнъ, воровства, поддѣлокъ и выпуска фальшивыхъ ассигнацій, грабежей, поджоговъ и убійствъ, котораго въ цѣлые вѣка не соберетъ лѣтопись всѣхъ судовъ міра“...

„Война,—говоритъ князь Андрей,—это любимая забава праздныхъ и легкомысленныхъ людей... Нравы военнаго сословія—отсутствіе свободы, т.-е. дисциплина, праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство. И, несмотря на то, это—высшее сословіе, почитаемое всѣми. Всѣ цари, кромѣ китайскаго, носятъ военный мундиръ, и тому, кто больше убилъ народа, даютъ большую награду“... Военное сословіе,—говоритъ Толстой отъ себя въ началѣ IV части II тома,—пользуется „состояніемъ обязательной и безупречной праздности... Въ этой-то обязательной и безупречной праздности состояла и будетъ состоять привлекательность военной службы“.

Одинаково отрицательно Толстой и князь Андрей относились также къ военной наукѣ и къ роли полководца, одинаково фаталистически объясняли они и причины войны. Война для нихъ—„страшная необходимость“, почему-то допускаемая Богомъ; участники войны, начиная съ Наполеона и кончая Платономъ Ка-

ратаевымъ,—„непроизвольныя орудія исторіи“, цѣли которой извѣстны одному Богу.

Разрѣшивши вопросъ: зачѣмъ и для чего люди убиваютъ другъ друга на войнѣ? или, лучше сказать, отмахнувшись отъ этого вопроса ссылкой на Провидѣніе, на волю Того, Кто руководитъ людьми и мірами, Толстой не могъ, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою, отнестись къ войнѣ съ полнымъ отрицаніемъ. Онъ могъ только жалѣть о человѣческомъ ослѣпленіи, могъ только съ ужасомъ взывать: „Довольно, довольно люди. Перестаньте... Опомнитесь. Что вы дѣлаете?“ Онъ могъ только показать, что самъ злой геній войны, Наполеонъ, при видѣ поля сраженія, усѣяннаго трупами и ранеными, „не хотѣлъ для себя ни Москвы, ни побѣды, ни славы“, а желалъ одного—„отдыха, спокойствія, свободы“.

Итакъ, въ эпоху созданія „Войны и мира“ Толстой не только мирился съ войной, какъ съ провиденціальнымъ зломъ, но даже признавалъ необходимость и законность оборонительной войны, какими бы ужасами она ни сопровождалась.

Не былъ Толстой абсолютнымъ противникомъ войны и въ семидесятыхъ годахъ, когда онъ желалъ побѣды французамъ надъ нѣмцами; когда писалъ статью о военной реформѣ, доказывая преимущество старой долготѣйшей службы передъ новой, сокращенной, по прусскому образцу; даже тогда, когда въ „Аннѣ Карениной“ высмѣивалъ увлеченіе славянскимъ вопросомъ и добровольческое движеніе на помощь сербамъ (изъ-за чего онъ разошелся съ Катковымъ и долженъ былъ напечатать послѣднюю часть своего романа не въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, а отдѣльнымъ изданіемъ).

„Война,—говорилъ въ это время Толстой устами своего alter ego, Левина,—есть такое животное, же-

стокое и ужасное дѣло, что ни одинъ человѣкъ, не говорю уже христіанинъ, не можетъ лично взять на свою отвѣтственность начало войны, а можетъ только правительство, которое призвано къ этому и приводится къ войнѣ неизбежно“. Когда же русское правительство объявило Турціи войну, онъ призналъ эту войну „настоящей“, близко принималъ ее къ сердцу и даже, по сообщенію С. А. Толстой, самъ собирался на театръ военныхъ дѣйствій.

Въ это время въ душѣ Толстого уже назрѣвало полное отрицаніе войны съ точки зрѣнія христіанскаго ученія, но онъ былъ еще далекъ отъ своей теоріи непротивленія злу насиліемъ.

„Представь себѣ,—говоритъ Левину Кознышевъ,— что ты бы шелъ по улицѣ и увидалъ бы, что пьяные бьютъ женщину или ребенка; я думаю, ты не сталъ бы спрашивать, объявлена или не объявлена война этому человѣку, а ты бы бросился на него и защитилъ бы обижаемаго.

— Но не убилъ бы,—сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, ты бы убилъ.

— Я не знаю. Если бы я увидалъ это, я бы отдался своему чувству непосредственному“.

Послѣ русско-турецкой войны мысль Толстого быстро покатила по давно уже намѣченному руслу. 22 мая 1878 года онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: „Былъ у обѣдни въ воскресенье. Подъ все въ службѣ я могу подвести объясненіе, меня удовлетворяющее. Но „многія лѣта“ и „одолѣніе на враговъ“ есть кощунство. Христіанинъ долженъ молиться за враговъ, а не противъ ихъ“. Въ „Исповѣди“ онъ съ ужасомъ и омерзѣніемъ вспоминаетъ, что убивалъ людей на войнѣ.

А работа надъ „Критикой догматическаго богословія“ и надъ изученіемъ евангелій окончательно приводитъ Толстого къ непротивленству, которое уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ заставляеть его высказаться и противъ насилія войны для освобожденія угнетенныхъ славянъ, и противъ насилія революціи для освобожденія угнетеннаго народа, и противъ казни цареубійць (въ извѣстномъ письмѣ къ императору Александру III).

Затѣмъ слѣдуетъ книга „Въ чемъ моя вѣра?“, во имя заповѣди непротивленія злу насиліемъ, отрицающая суды, казни и войны и называющая патріотизмъ „грубымъ обманомъ“. Въ 1885 году появляется знаменитая „Сказка объ Иванѣ-дуракѣ“, гдѣ показано самое послѣдовательное проведеніе въ жизнь идеи непротивленія злу, въ томъ числѣ и войнѣ. Своего апогея отрицательное отношеніе Толстого къ войнѣ и патріотизму достигаетъ въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ, когда появляются книга „Царство Божіе внутри васъ“ и статья „Христіанство и патріотизмъ“, вызванная франко-русскимъ союзомъ, который представлялся Толстому „лигой войны“.

И послѣдніе годы жизни Толстого, какъ извѣстно, были посвящены самой горячей агитаціи противъ войны и всего, что къ ней ведетъ и съ нею связано, и пропагандѣ всего, что такъ или иначе можетъ устранить войну... На эти темы имъ написаны цѣлыя десятки статей и писемъ, и можно сказать, что никогда и нигдѣ не было болѣе пламеннаго врага и болѣе послѣдовательнаго отрицателя войны, чѣмъ Левъ Толстой въ послѣдніе годы своей жизни.

Пропаганда Толстого не осталась гласомъ вопіющаго въ пустынь, какъ въ Россіи, такъ и за ея предѣ-

лами, вызвавъ между прочимъ не мало отказовъ отъ военной службы. Но дѣйствовало ли ученіе Толстого такъ губительно на армию, какъ думаетъ генераль Куропаткинъ, въ этомъ можно сильно сомнѣваться, особенно въ переживаемые нами дни необычайнаго патріотическаго подъема, который заставилъ взяться за оружіе и уже сложить свою голову такихъ убѣжденных толстовцевъ, какимъ былъ, напримѣръ, кн. Д. А. Хилковъ.

Даже въ толстовцахъ проповѣдь Толстого не въ силахъ была вытравить ни чувства патріотизма, ни сознанія необходимости защищать отечество и заступаться за слабые народы. Да и самъ Толстой оказался не въ состояніи совершенно отрѣшиться отъ патріотизма и отъ желанія побѣды слабому въ борьбѣ съ сильнымъ. Во время англо-бурской войны всѣ его симпатіи были на сторонѣ буровъ. „Я ужаснулся на себя,— писалъ онъ англичанину Мооду въ 1900 году,—поймавъ себя во время болѣзни на томъ, что желалъ найти въ газетѣ извѣстій о побѣдѣ буровъ“.

Во время русско-японской войны Толстой, въ полномъ согласіи со своимъ ученіемъ, заявилъ, что онъ „ни за Россію, ни за Японію“, и старался удерживать всѣхъ, кого могъ, отъ участія въ этой войнѣ. „Мнѣ кажется,—писалъ онъ своему сыну Льву,—что по отношенію къ войнѣ всякій нравственный человѣкъ долженъ устраниться отъ нея, не участвовать въ ней, чтобы не загрязниться ея мерзостью“. А своему младшему сыну Михаилу, участвовавшему въ русско-японской войнѣ добровольцемъ, Толстой сказалъ совершенно иное. „Отецъ мнѣ сказалъ,—сообщилъ Михаилъ Львовичъ

художнику Пархоменку въ 1909 году,—что понимаетъ меня, что онъ, будучи на моемъ мѣстѣ, поступилъ бы, какъ я“.

По свидѣтельству В. А. Маклакова, Левъ Толстой скорбѣлъ о нашихъ неудачахъ во время войны съ Японіей, а испанцу Луи Мороту онъ признался, что „почти рыдалъ при извѣстїи о сдачѣ Портъ-Артура“. И съ полной увѣренностью можно сказать, что, если бы Толстому суждено было дожить до нынѣшней страшной войны, онъ не отказался бы отъ своего ученія, но въ глубинѣ души радовался бы неудачамъ Вильгельма II, котораго онъ считалъ главнымъ виновникомъ европейскаго милитаризма и называлъ „жалкимъ, ошалѣлымъ отъ власти, больнымъ человѣкомъ“.

XIV. Гаршинъ.

Съ большею или меньшею опредѣленностью можно говорить или, по крайней мѣрѣ, догадываться о миролюбїи Гончарова, Островскаго, Писемскаго, Салтыкова, Мельникова-Печерскаго, Помяловскаго, Глѣба Успенскаго, Златовратскаго, Эртеля, Чехова и другихъ, менѣе выдающихся, писателей второй половины XIX вѣка, хотя это миролюбїе ни у кого, за исключенїемъ, кажется, одного Лѣскова, не доходило до толстовскаго отрицанія всякой войны. Что касается Лѣскова, то, сдѣлавшись въ концѣ своей жизни однимъ изъ самыхъ горячихъ почитателей Толстого, онъ принималъ цѣликомъ все его ученїе, изложенное въ книгѣ „Царство Божїе среди васъ“. „Я весь на сторонѣ автора и

никакими деталями не смущаюсь“,—писалъ онъ послѣ прочтенія этого сочиненія г-жѣ Микуличъ.

Оставляя въ сторонѣ современныхъ писателей, еще не сказавшихъ своего послѣдняго слова, въ заключеніе нашего обзора слѣдуетъ остановиться на Гаршинѣ, принимавшемъ личное участіе въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ.

Еще прежде, чѣмъ Гаршину пришлось увидѣть ужасы войны собственными глазами, онъ выступилъ съ протестомъ противъ нея въ стихотвореніи „На выставкѣ картинъ Верещагина“ (1874 года). Въ то время, какъ обычные посѣтителы выставки восторгались техникой верещагинскихъ картинъ и эскизовъ, изображающихъ эпизоды изъ нашихъ войнъ въ Средней Азій, Гаршинъ „увидѣлъ смерть, услышалъ вопль людей, измученныхъ убійствомъ“, и обратился со словами горькой укоризны къ родинѣ, пославшей на смерть своихъ сыновъ. Эти жертвы казались юному поэту совершенно напрасными, и родинѣ, по его мнѣнію, оставалось только плакать, молиться и каяться.

Но прошло два года, и самъ Гаршинъ, безъ всякаго принужденія со стороны родины, хотѣлъ отправиться добровольцемъ въ Сербію, чтобы сражаться съ турками. Онъ не былъ ни славянофиломъ, ни панславистомъ, но извѣстія о болгарскихъ ужасахъ настолько поразили его сердце, что онъ не могъ продолжать своихъ учебныхъ занятій въ Горномъ институтѣ, и кромѣ войны не видѣлъ другого средства для спасенія культурнаго міра отъ турецкаго варварства. „За сообщеніе новостей изъ профессорскаго міра,—писалъ онъ своему товарищу 18 іюля 1876 года,—весьма благодарю, хотя, по правдѣ сказать, электрофорная машина Теплова

и соединеніе Химическаго и Физическаго обществъ интересуютъ меня гораздо меньше, чѣмъ то, что турки перерѣзали 30,000 безоружныхъ стариковъ, женщинъ и ребятей. Плевать я хотѣлъ на всѣ ваши общества, если они всякими научными теоріями никогда не уменьшать вѣроятностей совершенія подобныхъ вещей“.

Какими чувствами былъ охваченъ Гаршинъ въ 1876 году, это еще яснѣе видно изъ его стихотворенія „Друзья, мы собрались передъ разлукой“, гдѣ поэтъ протестуетъ противъ печальныхъ проводовъ добровольцевъ, уходившихъ въ Сербію. Не печалиться надо, а радоваться,—говоритъ Гаршинъ,—потому что эти люди добровольно, а „не по прихоти владыки“, идутъ умирать за братьевъ, исполняя завѣтъ родной страны.

Мы побѣдимъ или въ бою погибнемъ...

И доблести славянской столпъ воздвигнемъ ,

Какого міръ не зналъ.

Такъ заканчиваетъ Гаршинъ свое стихотвореніе.

Гаршину не выдали заграничнаго паспорта, и онъ не могъ отправиться въ Сербію сражаться за освобожденіе славянъ; но какъ только Россія объявила войну Турціи, онъ тотчасъ же покинулъ Горный институтъ и отправился въ дѣйствующую армію вольноопредѣляющимся. „Я не могу,—писалъ онъ своей матери,—прятаться за стѣнами заведенія, когда мои сверстники лбы и груди подставляютъ подъ пули“.

Въ письмахъ къ матери и особенно въ военныхъ разсказахъ Гаршинъ сообщилъ намъ о тѣхъ физическихъ и моральныхъ лишеніяхъ и страданіяхъ, которыя онъ перенесъ во время похода и въ двухъ сраженіяхъ, прежде, чѣмъ рана въ ногу не вывела его изъ строя; но онъ нисколько не жалѣлъ о томъ, что пошелъ на

войну. „Никогда,—писалъ онъ матери,—мнѣ не приходитъ въ голову мысль раскаяться въ томъ, что я пошелъ въ походъ. Это такая хорошая школа, особенно для меня, которому нужно воспитаніе характера“. Особенно доволенъ былъ Гаршинъ своимъ знакомствомъ и сближеніемъ съ солдатами, которые приводили его въ восхищеніе, тогда какъ генералы и офицеры въ большинствѣ случаевъ вызывали въ немъ отвращеніе.

„Дратся будемъ хорошо“,—писалъ Гаршинъ матери, и, дѣйствительно, онъ дрался хорошо, такъ что рота единогласно присудила ему георгіевскій крестъ, котораго онъ впрочемъ почему-то не получилъ.

Но если Гаршинъ добровольно принялъ участіе въ войнѣ и, не смущаемый никакими угрызениями совѣсти, выпускалъ въ турокъ пулю за пулей изъ своей берданки, то отсюда не слѣдуетъ, что его отношеніе къ войнѣ стало инымъ, чѣмъ прежде. Военные рассказы Гаршина, начиная съ знаменитаго очерка „Четыре дня“, при всей сдержанности художника въ изображеніи ужасовъ войны, сами по себѣ явились рѣзкимъ и сильнымъ протестомъ противъ войны. Но авторъ не ограничился объективнымъ изображеніемъ видѣннаго и пережитаго имъ въ походахъ и на поляхъ сраженій; въ его рассказахъ война осуждается и проклиняется. Война—„самая крупная причина всевозможныхъ людскихъ бѣдъ и страданій“,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ рядовой Ивановъ, alter ego Гаршина. „Мать моя, дорогая мать! Вырвешь ты свои сѣдые косы, ударишься головою объ стѣну, проклянешь тотъ день, когда родила меня, весь міръ проклянешь, что выдумалъ на страданіе людямъ войну“. Это восклицаетъ герой „Че-

тырехъ дней“ передъ разлагающимся трупомъ убитаго имъ турка.

Война въ глазахъ Гаршина попрежнему величайшее зло въ жизни человѣчества, но зло это неизбѣжное, и кромѣ того, это „общее горе, общее страданіе“, отъ котораго никто не долженъ уклоняться, которое, напротивъ, всѣ должны раздѣлять тѣмъ или инымъ образомъ (см. рассказъ „Трусъ“). Гаршинъ даже показалъ, что для натуръ его душевнаго склада гораздо лучше и спокойнѣе итти на войну, чѣмъ сидѣть дома. „Никогда не было во мнѣ,—говорить рядовой Ивановъ,—такого полного душевнаго спокойствія, мира съ самимъ собой и кроткаго отношенія къ жизни, какъ тогда, когда я испытывалъ эти невзгоды (избитыя въ кровь ноги, невыносимый жаръ и смертельная усталость) и шелъ подъ пули убивать людей. Дико и странно можетъ показаться все это, но я пишу одну правду“.

И участіе въ сраженіяхъ, и полученная рана не измѣнили взглядовъ и настроеній Гаршина. Онъ ждалъ, когда заживетъ рана, чтобы снова вернуться на войну. „Неужели сидѣть здѣсь сложа руки, когда этотъ солдатъ будетъ умирать за насъ?“—говорилъ онъ своимъ друзьямъ. И если бы война затянулась, Гаршинъ снова сталъ бы убивать турокъ со спокойной совѣстью. При всемъ своемъ преклоненіи передъ Львомъ Толстымъ, какъ художникомъ слова, онъ отрицательно относился къ его проповѣди непротивленія злу насиліемъ и считалъ насиліе для защиты ближнихъ, хотя бы это была война, вполне законнымъ и нравственнымъ. Не даромъ въ рассказѣ „Надежда Николаевна“ признается справедливымъ причисленіе Ильи Муромца къ лику свя-

тыхъ, хотя онъ всю жизнь только и дѣлалъ, что убивалъ людей, но убивалъ ихъ, защищая родину отъ „поганыхъ“, защищая вдовъ и сиротъ отъ всякаго рода насильниковъ.

Заключеніе.

Передъ нами прошли всѣ гениальные и почти всѣ наиболѣе знаменитые русскіе писатели XVIII и XIX столѣтій. И при всемъ различіи эпохъ, въ которыя они жили, при всемъ разнообразіи ихъ происхожденія, воспитанія, среды, темпераментовъ, эти лучшіе представители русской интеллигенціи выказали въ общемъ поразительное согласіе и единодушіе въ отношеніи къ войнѣ и миру. Далеко не всѣ русскіе писатели принадлежали къ смирному типу, по терминологіи Аполлона Григорьева; многіе изъ нихъ, особенно въ юные годы, горѣли воинственнымъ пыломъ, находили „упоеніе въ бою“ и рвались въ поля кровавой сѣчи. Но почти всѣ русскіе писатели въ концѣ-концовъ преодолѣвали свои воинственные инстинкты, и сердцемъ и умомъ доходили до отрицанія войны или, по крайней мѣрѣ, до признанія ея неизбежнымъ зломъ.

Единственныя войны, которыя признавались необходимыми, законными и даже священными, это войны оборонительныя и освободительныя; завоевательныя же войны, а также завоеватели въ русской литературѣ подвергались рѣзкому осужденію. Правда, это осужденіе не всегда распространялось на завоевательныя войны Россіи; эти войны оправдывались и даже воспѣвались; но дѣлалось это потому, что результатомъ завоеваній было или возвращеніе исконныхъ русскихъ владѣній, или обезпеченіе мира на границахъ государства,

или распространение высшей культуры. Серьезное же стремление къ мировому владычеству было чуждо всѣмъ русскимъ писателямъ, за исключеніемъ одного Тютчева.

Даже завоеваніе Константинополя, который привлекалъ уже первыхъ русскихъ князей, проповѣдывалось, главнымъ образомъ, писателями славянофильскаго направленія. Большинство же русскихъ писателей или раздѣляло мнѣніе Жуковскаго или смотрѣло на этотъ вопросъ глазами Тургенева, который въ одномъ изъ „Стихотвореній въ прозѣ“ заявилъ, что для него „довольство, покой, избытокъ русской вольной деревни“ дороже, чѣмъ крестъ на куполѣ святой Софіи въ Царьградѣ. Еще рѣже встрѣчается у русскихъ писателей внушающая такой страхъ Англій мечта о завоеваніи Индіи.

Можно думать, что миролюбіе русскихъ писателей еще рѣзче выступило бы наружу, если бы русская литература развивалась при болѣе нормальныхъ условіяхъ. Несомнѣнно, что только „казеннымъ“ характеромъ литературы XVIII вѣка объясняется чрезвычайное обиліе въ ней „грома побѣдъ“. Очень многія побѣдныя оды и воинственныя стихотворенія писались не по вдохновенію, а по обязанности, по заказу, даже въ силу установившейся моды. И это замѣчаніе относится не только къ „карманнымъ“ поэтамъ въ родѣ Петрова, не только къ тѣмъ жалкимъ стихокропателямъ, которые осмѣяны Дмитріевымъ въ сатирѣ „Чужой толкъ“, но и къ самымъ знаменитымъ русскимъ писателямъ XVIII вѣка. Карамзинъ, на примѣръ, написавши въ 1789 году „Военную пѣснь“, отправился не на поле битвы разить турокъ, а въ Западную Европу—путешествовать. Казенный патріотизмъ и созданная имъ лите-

ратурная мода нашли отраженіе и въ русской литературѣ XIX вѣка, особенно въ эпохи Отечественной и Крымской войнъ.

Съ другой стороны, правительственная цензура не предоставляла русскимъ писателямъ необходимой свободы въ выраженіи отрицательнаго отношенія къ войнѣ. Не только толстовская проповѣдь противъ войны была до крайности стѣснена цензурой, начиная съ первыхъ его военныхъ разсказовъ, но даже рѣзкія характеристики и опредѣленія войны не пропускались или смягчались. Такъ, напримѣръ, Герценъ въ „Письмахъ изъ Франціи и Италіи“ говоритъ: „Война—свирѣпое, отвратительное доказательство безумія людскаго, обобщенный разбой, оправданное убійство, апогеоза насилія“. Подчеркнутыя слова въ 1905 году были признаны опасными, и въ изданіе Павленкова они не вошли.

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, русская литература сумѣла ясно и опредѣленно осудить „зло воинственныхъ чудесъ“ и высказать свою завѣтную мечту, чтобы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ вовсе не было войнъ и чтобы всѣ народы объединились въ одну великую семью, но не силою меча и „бронированнаго кулака“, а посредствомъ религіи мира и любви.

Это миролюбіе русской литературы находится въ полной гармоніи съ миролюбіемъ русской народной поэзіи и прежде всего русскаго народнаго эпоса. На какой бы теоріи относительно происхожденія русскаго былевого эпоса ни остановились въ концѣ-концовъ русскіе ученые, не подлежитъ сомнѣнію, что былины дошли до насъ въ той формѣ, какую придали имъ

народные „сказители“ и „сказительницы“, допускавшіе сознательное или безсознательное искаженіе попавшаго въ ихъ распоряженіе поэтическаго наслѣдства. А что же можетъ быть характернѣе для русскаго героическаго эпоса, чѣмъ богатырь-пахарь Микула Селяниновичъ, который оказывается гораздо сильнѣе богатыря-князя, завоевавшаго славное царство Индѣйское,— чѣмъ крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, старательно избѣгающій напраснаго кровопролитія и являющійся только оберегателемъ и охранителемъ русской земли, то-есть героемъ оборонительныхъ войнъ, хотя для него не страшны и никакія завоевательныя войны, такъ какъ ему смерть на бою не писана? Не даромъ этотъ богатырь и славянофилами и западниками считается вѣрнымъ символомъ русскаго народа.

Несомнѣнное миролюбіе русскаго народа, какъ народа по преимуществу земледѣльческаго, не могло найти своего полного выраженія въ исторіи, потому что исторія даннаго народа далеко не всегда складывается сообразно его характеру, а въ значительной степени зависитъ и отъ характера сосѣдей. Зато это миролюбіе ярко отразилось въ томъ зеркалѣ народнаго духа, какимъ является народная поэзія и художественная литература. И можно смѣло сказать, что, какія бы новыя побѣды ни выпали на долю Россіи, русскій народъ, создавшій образы Микулы и Ильи, и русская интеллигенція, подарившая человѣчеству высоко-гуманную и проникнутую христіанскимъ духомъ литературу, никогда не явятся препятствіями для установленія мира на землѣ и благоволенія среди людей. Можно даже вѣрить и надѣяться, что если когда-нибудь человѣчество дождется исполненія этого благовѣстія,

за русскимъ народомъ и за русской литературой будетъ признана наибольшая заслуга въ осуществленіи той великой мечты о вѣчномъ мирѣ, на которой сошлись столь противоположные по своему міросозерцанію колоссы русской литературы, какъ Левъ Толстой и Достоевскій.